

73
4173
КОНСТАНТИН ЗИНОВЬЕВ

9912

27
МИСТИЧЕСКИЙ ТРИЛЛЕР

04

0409
Нумеролог

— ПОСЛЕДНИЕ ЧЕТЫРЕ ЦИФРЫ —

1 27 04 99 12

2704
Каждый день вы видите сотни цифр.
12 Что, если среди них скрыт код,
способный изменить реальность? 99

9912
1

Константин Зиновьев

**Нумеролог. Последние
четыре цифры**

«Автор»

2026

Зиновьев К.

Нумеролог. Последние четыре цифры / К. Зиновьев — «Автор», 2026

Илья вырос в детдоме и привык рассчитывать только на себя. И ещё — на восемь цифр, которые знает уже много лет. Стоит записать их карандашом на бумаге, и обстоятельства начинают складываться в его пользу. Так продолжается до дня, когда за Ильёй начинают охотиться люди, для которых его удача — не случайность, а сила, способная менять реальность. Одни хотят понять, что именно он знает. Другие готовы получить это любой ценой. Илье придётся разобраться в том, чем он пользовался всю взрослую жизнь, даже не понимая, что делает. Случайность перестаёт быть случайностью, когда кто-то умеет ею управлять.

© Зиновьев К., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Шлагбаум	5
Глава 2. Восемь цифр	16
Глава 3. Оригинал	31
Глава 4. Наблюдатель	43
Глава 5. Подтверждение	48
Глава 6. Чужой ключ	57
Глава 7. Две записи	67
Конец ознакомительного фрагмента.	68

Константин Зиновьев

Нумеролог. Последние четыре цифры

Глава 1. Шлагбаум

Огрызок карандаша был таким коротким, что Илье приходилось держать его не как обычно — между большим, указательным и средним пальцами, — а почти одними подушечками, стараясь не уронить и не сломать выступавший из древесины графитовый кончик.

Когда-то карандаш был самым обыкновенным: жёлтым, с золотистыми буквами на боку и розовым ластиком, от которого теперь остался только грязный резиновый ободок. Илья подобрал его возле кассы в продуктовом магазине месяцев восемь назад, заточил складным ножом и с тех пор носил во внутреннем кармане куртки, отдельно от ключей, монет и прочего хлама, способного раскрошить грифель.

Шариковые ручки для этого не годились. Он выяснил это давно — случайно и не без последствий.

Илья положил на стеклянную витрину кассовый чек, разгладил его ладонью и перевернул чистой стороной вверх. Под тонкой бумагой лежали золотые кольца, крестики, цепочки и серьги, разложенные на чёрном бархате. Яркий свет ламп отражался от металла и проходил сквозь чек тусклыми жёлтыми пятнами, отчего казалось, будто цифры сейчас придётся писать прямо поверх спрятанного сокровища.

Он вытер влажные пальцы о джинсы, положил левую ладонь на край витрины, наклонился и на мгновение закрыл глаза.

— Молодой человек, вы что там делаете? — спросила продавщица, поморщившись.

Илья не ответил. Ему требовалось сосредоточиться: не вспоминать о камере под потолком, не смотреть на охранника возле двери и не думать о том, что через несколько минут либо произойдёт очередная маленькая невозможность, либо он выйдет из ломбарда с пустыми руками и окончательно поймёт, что последние две недели потратил впустую.

Восемь цифр он знал лучше номера собственного телефона. За годы они поселились где-то между памятью и движением руки, поэтому иногда Илье казалось, что, даже потеряв сознание, он всё равно сумеет вывести их пальцем на пыльном полу.

Однако торопиться было нельзя.

Цифры не любили спешки.

Он коснулся карандашом бумаги и медленно написал:

2

Отнял руку, досчитал про себя до трёх и продолжил:

7

Первые две цифры означали день его рождения — двадцать седьмое число.

Следом появились:

0 4

Апрель.

Илья снова остановился. Графитовый кончик начал крошиться, оставляя возле нуля серую пыль, и он осторожно сдул её, стараясь не смазать написанное.

Продавщица наблюдала за ним поверх узких очков. На синей жилетке, натянутой поверх белой блузки, была булавкой приколотая обычная бумажка, на которой крупными буквами напечатали имя «ТАМАРА». Женщина была лет пятидесяти пяти, с высокой причёской, залитой таким количеством лака, что волосы напоминали пластиковый шлем.

Она перевела взгляд на охранника.

Тот уже отложил спортивную газету и тоже смотрел на Илью.

Охранника звали Геннадием — об этом сообщала нашивка на форменной рубашке. Он был широкоплечим, усатым и грузным, с большим животом, нависавшим над ремнём, но руки у него оставались крепкими. Рядом со стулом стояли электрический чайник и кружка с надписью «Лучшему дедушке».

Илья вновь опустил взгляд.

9

Первая цифра года.

9

Вторая.

Двадцать седьмое апреля девяносто девятого года — день, когда он появился на свет, а его мать умерла, так и не успев взять сына на руки.

Последние две цифры — 1 и 2 — Илья объяснить не мог. Они были написаны на роддомной бирке рядом с датой рождения, весом и номером палаты. Возможно, означали время, корпус или порядковый номер ребёнка. Когда-то Илья пытался выяснить это, но потом перестал: в старых больничных документах хватало цифр, которые уже ничего не значили для живых.

Он знал только, что без последних двух всё остальное не работало.

Илья написал единицу, задержал дыхание и, почти не нажимая на карандаш, вывел двойку.

Получилось:

27049912

Он долго смотрел на последовательность, проверяя каждую линию и каждый изгиб. Девятки были похожи друг на друга, ноль замкнулся, двойка в конце вышла чёткой, хотя графитовый кончик почти стёрся.

Затем Илья перевернул карандаш и трижды легко постучал деревянным торцом рядом с цифрами.

Раз.

Два.

Три.

Только после этого он сложил чек вчетверо и спрятал во внутренний карман куртки.

— Молодой человек, — Тамара немного отодвинулась от витрины, — вы можете объяснить, что это сейчас было?

— Считал, хватит ли денег, — ответил Илья, убирая карандаш.

— Восемью цифрами?

— Сложный бюджет.

Геннадий прищурился.

— А стучать зачем?

Илья посмотрел сначала на него, затем на продавщицу и пожал плечами.

— Чтобы сошлось.

Они переглянулись. Взгляд Тамары задержался на руке охранника, лежавшей неподалёку от тревожной кнопки, а Геннадий едва заметно качнул головой: мол, погоди, пока ничего страшного.

Ломбард назывался «Золотой резерв», хотя от настоящего резерва здесь было немного. Тесное помещение занимало первый этаж старой пятиэтажки и прежде, судя по узким окнам и проступавшей из-под пластиковой вывески выцветшей надписи, служило хозяйственным магазином.

Внутри пахло пылью, дешёвым освежителем и разогретой в микроволновке выпечкой. За стеклом лежали вещи, с которыми люди расставались, уверяя себя, что неприятности про-

длятся недолго: обручальные кольца, часы с исцарапанными циферблатами, крестики, серьги без пары, детские цепочки, старые телефоны и тяжёлые мужские перстни.

На дальней стене висела икона Николая Чудотворца, а рядом — табличка:

ВЕДЁТСЯ КРУГЛОСУТОЧНОЕ ВИДЕОНАБЛЮДЕНИЕ.

ВСЕ ЦЕННОСТИ ЗАСТРАХОВАНЫ.

Последняя строка Илье нравилась особенно.

— Так вы что-то выбираете или решили у нас бухгалтерию вести? — спросила Тамара, возвращаясь за стойку.

— Подарок девушке, — ответил Илья и указал на массивную цепочку в дальней части витрины. — Можно посмотреть ту?

Продавщица проследила за его пальцем, затем окинула Илью внимательным взглядом — от старых кроссовок до куртки с потёртыми манжетами.

— Она стоит сто восемьдесят семь тысяч.

— За такие деньги должна светиться в темноте.

— Не светится, — сообщил Геннадий, вновь разворачивая газету. — Проверяли.

Илья улыбнулся ему.

— Тогда дорого.

— Серебро в соседней витрине, — сухо сказала Тамара. — Там цены более подходящие.

— Откуда вы знаете, какие цены мне подходят?

Женщина ничего не ответила, однако ещё раз посмотрела на его куртку, после чего сняла с пояса связку ключей и открыла витрину. Цепочку она положила на небольшую бархатную подставку, но из рук не выпустила.

— Тридцать семь и восемь грамма. Пятьсот восемьдесят пятая проба. Застёжка исправна.

Илья осторожно провёл пальцами по звеньям. Металл приятно оттягивал руку.

Он посмотрел на электронные часы над входом. До закрытия оставалось четыре минуты. За окнами уже стемнело, по мокрому после дождя асфальту тянулись красные отражения автомобилей фонарей, а прохожих становилось всё меньше.

Других посетителей в ломбарде не было. Теперь оставалось ждать.

Илья не знал, когда именно начнётся действие написанных цифр. Иногда странности происходили сразу, едва карандаш отрывался от бумаги. В другие разы проходило несколько минут, за которые он успевал решить, что сегодня ничего не получится.

Ещё меньше он понимал, когда всё заканчивается.

Никакого предупреждения не существовало. Мир просто переставал помогать: дверь, которая секунду назад должна была открыться, оставалась запертой. Нужный автобус уходил перед носом. Человек оборачивался в самый неподходящий момент.

Поэтому после написания цифр Илья каждый раз чувствовал себя пассажиром машины без указателя топлива. Можно было ехать быстро и надеяться, что бензина хватит, но узнать правду удавалось только тогда, когда двигатель начинал захлёбываться.

Он подержал цепочку перед светом, затем покосился на лампы.

Ничего.

Кондиционер продолжал ровно гудеть. Тамара следила за украшением, а Геннадий шуршал страницами газеты.

Давай, подумал Илья. Не вслух. Просто отвлеку их. Ненадолго.

Он подождал ещё несколько секунд, но мир, кажется, не торопился выполнять просьбу.

— Ну же, — едва слышно пробормотал Илья, глядя на витрину. — Давай, не подведи.

Тамара нахмурилась.

— Простите?

Илья поднял глаза. Продавщица смотрела на него с подозрением, а Геннадий снова опустил газету и немного подался вперёд, поставив обе ноги на пол.

— Я не вам, — объяснил Илья.

— А кому? — Тамара оглянулась, словно за её спиной действительно мог кто-то находиться.

— Себе.

— Вы часто с собой разговариваете?

— Только когда мне нужен совет умного человека.

Геннадий усмехнулся, однако продавщице шутка не понравилась.

— Молодой человек, верните цепочку, пожалуйста.

Илья послушно протянул украшение.

В ту же секунду в глубине помещения раздался тихий щелчок.

Охранник повернул голову к подсобке.

Лампа над дальней витриной дрогнула, на мгновение погасла, затем снова зажглась, но уже вполсилы. Кондиционер захрипел, будто внутри пластикового корпуса что-то застряло, после чего умолк, и запылённые листья искусственной пальмы перестали покачиваться.

Илья почувствовал знакомое тепло, медленно поднимавшееся от живота к груди.

Началось.

— У вас свет мигает, — заметил он.

— Я вижу, — отрезала Тамара.

Геннадий сложил газету, поднялся и поправил ремень.

— Опять щиток, наверное. Вчера уже пахло.

— Я хозяйину говорила, — пробормотала продавщица, убирая цепочку в витрину. — Он обещал электрика прислать.

— Ваш хозяин много чего обещает.

Геннадий отпер дверь подсобки. Оттуда пахло нагретой пластмассой, и охранник, поморщившись, потянулся к выключателю.

Внутри что-то сухо треснуло, а затем хлопнуло так громко, что Тамара вздрогнула и выронила ключи.

На несколько мгновений помещение залил резкий голубоватый свет, после чего половина ламп погасла. Из подсобки посыпались искры, а под дверью появилась тонкая серая полоска дыма.

— Гена? — Голос продавщицы стал выше. — Что там?

— К щитку не подходи!

Охранник сорвал со стены огнетушитель и дёрнул металлическую чеку. Сигнализация пока молчала, однако дым быстро становился гуще, расползаясь по полу и окутывая ножки витрин.

Илья прижал ладонь к карману с чеком.

Спасибо. Этого достаточно. Больше ничего не нужно.

Словно услышав его, пожарная сирена внезапно ожила и завывала с такой силой, что задрожали стёкла. Красный указатель над дверью начал мигать, превращая помещение то в обычный ломбард, то в фотографию места преступления.

— Все на улицу! — Геннадий направил раструб огнетушителя в подсобку. — Тамара, выходи!

— Касса!

— Потом касса!

— Там документы и деньги!

— Я сказал, выходи!

Тамара схватила телефон, ключи и небольшую сумку, лежавшую под столом, после чего повернулась к Илье.

— Молодой человек, немедленно на улицу!

— Конечно, — кивнул он. — Уже иду.

Геннадий выпустил в подсобку облако белого порошка, затем закашлялся и попятился.

— Я заднюю дверь открою, чтобы проветрить, — сказал он Тамаре, прикрывая рот рукавом. — А ты вызывай пожарных и полицию. Сигнализация могла сразу уйти на пульт.

Последнее Илье не понравилось. Совсем.

Однако Тамара уже выбежала наружу, а Геннадий, прихватив огнетушитель, скрылся в коридоре, ведущем к заднему выходу.

Илья сделал несколько шагов к входной двери. Снаружи продавщица прижимала телефон к уху и размахивала свободной рукой. Двое прохожих остановились неподалёку, а женщина с пакетом уже снимала происходящее на камеру.

Он задержался у рекламной стойки, медленно сосчитал до трёх и повернулся к витрине.

— Благодарю, — тихо сказал Илья.

Из подсобки донёсся голос охранника:

— Выходи давай! Дышать нечем!

Тамара, стоявшая за стеклянной дверью, заметила, что Илья смотрит не на выход, и прижала ладонь к стеклу.

— Молодой человек!

Он больше не ждал.

Илья перепрыгнул через низкую часть стойки, вытащил из-под куртки сложенный рюкзак и раскрыл его на полу. Витрина осталась незапертой: Тамара выронила ключи, когда хлопнул щиток, и успела только захлопнуть стеклянную крышку.

Илья поднял её.

Он не сгрёбал всё подряд. За последние годы ему пришлось узнать о золоте больше, чем хотелось бы: тонкие цепочки почти ничего не весили, массивные часы часто оказывались подделками, а красивые камни в перстнях могли быть обычным стеклом.

В рюкзак отправились цепочки с хорошо заметными пробами, два тяжёлых браслета, несколько колец и часы, которые продавщица называла швейцарскими. Илья не был уверен, что Швейцария знала об их существовании, но выяснять собирался позже.

Когда рюкзак наполнился, он застегнул молнию и вслушался.

Снаружи уже выла новая сирена — короткая, переменная, не похожая на пожарную.

Полицейская машина.

— Продержись, — попросил Илья, прижав ладонь к карману. — Ещё немного. Я почти закончил.

Тамара увидела его за витриной. Сначала её лицо застыло, будто женщина не могла связать открытый рюкзак с исчезнувшими украшениями, затем рот широко раскрылся.

— Гена! — закричала она. — Он нас грабит! Гена!

У обочины резко затормозила патрульная машина. Видимо, экипаж находился неподалёку, когда сработала охранный и пожарная сигнализация.

Один полицейский направился к продавщице, второй уже открывал дверь ломбарда.

Илья закинул рюкзак на плечи и бросился в подсобку.

Воздух там был мутным от дыма и белого огнетушащего порошка, который оседал на волосах и неприятно скрипел на зубах. Повреждённый щиток потрескивал, время от времени роняя на пол голубоватые искры.

В конце коридора виднелась задняя дверь.

Геннадий успел её открыть, однако тугой доводчик почти закрыл створку. Между дверью и рамой оставалась узкая щель, быстро уменьшавшаяся.

Илья подбежал и просунул пальцы в последний момент.

— Давай, — выдохнул он, потянув дверь на себя. — Не заканчивайся.

Доводчик сопротивлялся, но створка подалась.

Позади послышались шаги.

— Полиция! — крикнул вошедший мужчина. — В помещении есть люди?

Луч фонаря скользнул по стене и выхватил фигуру Ильи.

— Эй! Стой!

Илья протиснулся в дверь и оказался во дворе.

Сразу за выходом находилось низкое бетонное крыльцо из трёх ступеней, мокрых после дождя. На средней ступени лежал Геннадий, прижимая обеими руками левую ногу. Огнетушитель валялся рядом, а подошва форменного ботинка была неестественно вывернута наружу.

Судя по всему, охранник услышал крик Тамары и попытался вернуться в здание через заднюю дверь, но зацепился носком за раскрошившийся край ступени. Теперь он сидел, тяжело дышал и морщился от боли.

Увидев Илью с рюкзаком, Геннадий нахмурился и протянул к нему руку.

— Ах ты... Стой, зараза!

Илья перепрыгнул через него.

— Выздоровливайте!

— Грабитель! — заорал охранник ему вслед. — Держите его!

Полицейский выскочил на крыльцо, едва не наступил на огнетушитель и на мгновение задержался возле Геннадия.

— Живы?

— Ногу подвернул! За ним беги!

Этого Илья уже не слышал.

Он пересёк тесный двор, перемахнул через низкую ограду и вылетел на улицу, где холодный вечерний воздух обжёг горло. Рюкзак оказался тяжелее, чем ожидалось. При каждом шаге он бил по позвоночнику, а цепочки и часы звенели внутри так громко, будто Илья убегал с мешком церковных колокольчиков.

За спиной хлопнула дверь.

Полицейский продолжил преследование.

— Дежурный, пешая погоня! — говорил он в рацию, тяжело дыша между словами. — Подозреваемый в краже из ломбарда: мужчина около тридцати лет, тёмная куртка, серый рюкзак. Двигается по Зелёной в сторону жилых дворов.

Илья свернул за угол, проскочил между двумя женщинами с пакетами и едва не столкнулся с мальчиком на самокате.

— Куда несёшься?! — возмутилась его мать, оттаскивая ребёнка.

— Простите!

Он влетел в проходной двор старой пятиэтажки. Здесь пахло мокрой землёй, кошачьей мочой и жареным луком из открытого окна первого этажа. На стенах арки висели объявления об избавлении от долгов, ремонте стиральных машин и пропавшем коте по кличке Марсель.

Раньше двор оставался открытым насквозь, однако теперь дальний выход перекрывала высокая металлическая калитка с домофоном и камерой.

Илья подбежал к ней, схватился за ручку и дёрнул.

Заперто.

На скамейке по другую сторону калитки сидела пожилая женщина в красном плаще. Маленькая белая собака стояла рядом и обнюхивала мокрые листья.

Женщина подняла голову, увидела Илью, а затем показавшегося в арке полицейского. Она быстро подхватила поводок и прижала собаку к ногам, явно решив не вмешиваться в происходящее.

— Стой! — крикнул полицейский. — Рюкзак на землю!

Илья снова потянул дверь.

Магнитный замок держал крепко.

Между ним и преследователем оставалось около двадцати метров.

— Продержись, — пробормотал Илья. — Ну же. Не сейчас.

Пятнадцать метров.

Он сжал ручку обеими руками.

На внутренней панели домофона загорелся зелёный индикатор.

Замок коротко загудел, хотя ни пожилая женщина, ни кто-либо из жильцов не нажимали кнопку. Илья почувствовал, как сопротивление исчезло, и едва не упал вперёд, когда дверь сама подалась от его прикосновения.

— Спасибо!

Он проскочил во двор.

Пожилая женщина отшатнулась, прижав ладонь к груди. Собака залаяла, а Илья отпустил калитку, позволив доводчику потянуть её обратно.

Полицейский успел просунуть в сужавшуюся щель руку, но тяжёлая створка ударила его по ладони. Мужчина выругался и отдёргнулся. Через мгновение магнит снова сцепил дверь с рамой.

Он несколько раз дёрнул ручку, нажал на кнопку домофона, затем взглянул на пожилую женщину.

— Откройте! Полиция!

Та растерянно посмотрела на панель, потом на Илью и покачала головой, словно боялась прикоснуться к устройству, которое только что включилось само.

— Код какой? — крикнул полицейский вслед убежавшему Илье.

Илья обернулся на ходу и развёл руками.

— Я не знаю этот код!

Улыбка продержалась всего несколько секунд.

Полицейский уже поднёс рацию ко рту:

— Подозреваемый прошёл двор дома четырнадцать, движется к Железнодорожной. Ближайшему экипажу перекрыть выезд в сторону переезда.

Илья прибавил скорость. Ему хотелось верить, что замок открылся не случайно, что написанные в ломбарде цифры всё ещё действуют и невидимая полоса удачи продолжает тянуться следом.

Но сколько ей осталось — минута, тридцать секунд, всего одно совпадение?

Он не знал.

Выехавшая из соседнего проезда патрульная машина появилась не внезапно: полицейский продолжал передавать координаты, а улицы района сходились возле железнодорожного переезда, оставляя Илье всё меньше вариантов.

Автомобиль повернул во двор, синие вспышки запрыгали по стенам домов, а водитель направил машину поперёк дорожки, стараясь перекрыть выезд. Илья метнулся между припаркованными автомобилями, задел ладонью грязный капот старой «Лады» и перескочил через песочницу.

Владелец машины высунулся из окна и выкрикнул несколько слов о капоте, ногах Ильи и его матери, которую никогда не знал.

Патруль не мог проехать между гаражами, зато пассажирская дверь распахнулась, и второй полицейский побежал к соседнему проезду, стараясь перехватить беглеца.

Илья нырнул за бетонный гараж, перескочил через ржавую трубу и вылетел на другую улицу.

Лёгкие горели. Во рту появился металлический привкус, куртка прилипла к спине, а правая лямка рюкзака всё сильнее врезалась в плечо.

Несмотря на усталость, он невольно подумал о Лёхе.

Лёха сумеет продать золото. Не всё сразу и не в одном месте — он никогда не был идиотом, каким хотел казаться. Если не обманет с долей, денег хватит, чтобы вернуть долги, заменить сгнившие окна в квартире и, возможно, купить машину, которая заводится не только по праздникам.

Несколько лет спокойной жизни лежали сейчас у Ильи за спиной и звенели при каждом шаге.

Впереди, за крышами гаражей, мигали красные огни железнодорожного переезда.

За путями начинался старый район пятиэтажек, который Илья знал лучше собственной квартиры. Проходные подъезды, подвалы, арки и узкие дворы образовывали там лабиринт. Если удастся перебраться на другую сторону до поезда, полиция может искать его до ночи.

Шлагбаумы уже опускались.

Для пешехода они не представляли серьёзной преграды: под стрелой можно было прыгнуть или просто обойти её сбоку. Настоящая проблема находилась дальше.

Три года назад на этом переезде погиб шестнадцатилетний Миша. Он шёл в наушниках, проигнорировал красные огни и попытался перебежать перед электричкой. После трагедии вдоль путей установили высокий сварной забор, а пешеходный переход с обеих сторон перекрыли решётчатыми калитками с электромагнитными замками.

Возле будки дежурной до сих пор висела фотография погибшего мальчика. Пластиковая рамка помутнела от солнца и дождей, искусственные цветы выцвели, но сделанную маркером надпись ещё можно было прочитать:

МИША, МЫ ПОМНИМ.

Илья подбежал к первой калитке.

Красный индикатор уже горел. Замок не позволял открыть створку, пока поезд не освободит переезд.

— Молодой человек! — Окно будки распахнулось, и пожилая дежурная в форменной фуражке высунулась наружу. — Отойдите от ограждения! Переход закрыт!

Илья потянул решётку.

Безрезультатно.

Забор тянулся вдоль путей примерно на двести метров в каждую сторону, а сверху его венчали загнутые внутрь металлические зубья. Обежать ограждение он не успевал, перелезть с тяжёлым рюкзаком тоже было практически невозможно.

Из-за гаражей показался преследовавший его полицейский.

Увидев запертую калитку, мужчина замедлил шаг. Он больше не опасался, что Илья уйдёт: между подозреваемым и рельсами стоял электромагнитный замок, справа и слева — высокий забор, а сзади приближался патрульный автомобиль.

— Всё! — крикнул полицейский. — Поставь рюкзак на землю и отойди от калитки!

Илья снова дёрнул ручку.

— Не надо этого делать! — Дежурная вышла из будки, прижимая к груди переносную рацию. — Поезд уже на подходе!

Первый гудок донёсся издалека — низкий и протяжный. Рельсы под ногами едва заметно завибрировали.

— Продержись, — прошептал Илья, сжимая металлическую ручку. — Ещё совсем немного.

Полицейский находился в двадцати метрах, затем в пятнадцати. Он не бежал, а приближался осторожно, вытянув вперёд ладонь, словно пытался успокоить загнанное животное.

— Не делай глупостей. Отойти от путей, сними рюкзак и положи его на землю.

Илья прижался лбом к холодной решётке.

— Давай.

Десять метров.

Замок не двигался.

— Пожалуйста.

Пять.

Полицейский уже протянул руку к его плечу.

Внутри металлической стойки раздался негромкий щелчок, красный индикатор погас и на одно короткое мгновение сменился зелёным. Илья нажал на ручку — калитка открылась.

Полицейский остановился так резко, словно сам наткнулся на невидимую преграду, и недоверчиво посмотрел на женщину возле будки. Та ответила ему таким же растерянным взглядом, затем обернулась к панели управления и быстро провела ладонью над кнопками, показывая, что ничего не нажимала.

— Я не открывала! — крикнула она.

— Тогда как он прошёл? — Полицейский перевёл взгляд на распахнутую калитку.

Дежурная не ответила: судя по её побледневшему лицу, этот вопрос интересовал её не меньше.

Илья проскользнул через калитку и резко потянул её за собой. Электромагнитный замок снова с сухим ударом сцепил створку с рамой прямо перед лицом полицейского.

— Благодарю! — выдохнул Илья.

Он бросился через пути.

Дождь закончился недавно, поэтому резиновый настил блестел, а между шпалами стояла вода. Илья перескочил первый рельс, затем второй, стараясь не смотреть на белый огонь локомотива, показавшийся за поворотом.

Свет пока казался небольшим, однако быстро разрастался. Вместе с ним усиливалась дрожь под ногами.

— Быстрее! — надрывалась дежурная. — Не останавливайтесь!

Илья и не собирался.

До противоположной стороны оставалось несколько метров, когда рюкзак соскользнул с плеча и ударился о настил. Раздался резкий рывок, будто кто-то схватил Илью сзади за куртку.

Он упал на колено.

Нижний шов рюкзака зацепился за толстый ржавый болт, которым резиновая плита крепилась к шпале. Болт торчал всего на несколько сантиметров, однако ткань натянулась и намертво застряла под металлической головкой.

Илья рванул рюкзак на себя.

Безрезультатно.

Молния разошлась, и на мокрый настил посыпались кольца. Одно покатилося между шпалами, второе подпрыгнуло и исчезло под резиновой плитой. Золотая цепочка наполовину вывалилась наружу и блеснула в свете приближавшегося локомотива.

Гудок ударил по ушам.

— Бросьте сумку! — закричала дежурная. — Оставьте её и уходите с путей!

Илья дёрнул снова.

Ткань не поддавалась.

До поезда оставались ещё сотни метров, и непосредственно под колёсами он пока не находился. За последним рельсом, между путями и забором, тянулась техническая полоса шириной примерно в полтора метра — достаточная, чтобы прижаться к решётке и позволить составу пройти мимо.

Поезд не раздавит его, если Илья успеет туда добраться.

Но золото придётся оставить.

А после прохождения состава первая калитка откроется, полицейский пересечёт пути и найдёт Илью запертым между второй калиткой и забором. Пространства хватит, чтобы выжить, но не чтобы убежать.

Илья посмотрел на рюкзак. Там лежала возможность расплатиться с долгами, заменить наконец сгнившие окна, купить машину и отдать обещанную долю Лёхе — несколько лет той спокойной жизни, ради которой он вообще полез в ломбард.

Локомотив вновь подал сигнал.

Илья начал стягивать лямку с плеча. Жизнь стоила дороже. Даже его собственная.

Он освободил одну руку, затем вторую. Рюкзак остался лежать на настиле, прикованный к шпале нелепым ржавым болтом.

Илья поднялся.

В ту же секунду дерево под креплением треснуло. Болт вырвался из прогнившей шпалы вместе с тёмной щепкой, и рюкзак неожиданно освободился.

Илья несколько мгновений смотрел на него, не веря, затем подхватил за уцелевшую лямку.

— Спасибо!

Он побежал дальше.

Позади остались рассыпанные кольца и цепочка, конец которой ещё несколько раз ударился о настил, прежде чем окончательно выпасть из рюкзака. Илья не обернулся.

Он перескочил последний рельс и оказался на технической полосе возле противоположной калитки.

До поезда оставалось совсем немного. Огромный прожектор залил переезд белым светом, а вибрация стала настолько сильной, что подошвы скользили по мокрому бетону.

— Встаньте у забора! — Голос дежурной теперь доносился из наружного громкоговорителя. — Прижмитесь к ограждению и не двигайтесь!

Илья схватился за ручку второй калитки.

Калитка оказалась запертой. Илья потянул сильнее, но замок не поддавался.

За спиной, сквозь решётку первой калитки, полицейский что-то передавал по рации. Когда поезд пройдёт, мужчина окажется рядом через несколько секунд.

— Продержись, — прошептал Илья. — Ты ведь не ради рюкзака меня сюда привёл.

Красный индикатор не менялся.

Локомотив приближался. Теперь Илья видел его лобовое стекло, тёмную кабину и отражения сигнальных огней на металле.

— Отойдите от калитки! — кричала дежурная. — Немедленно к ограждению!

Илья прижал обе ладони к ручке.

— Давай.

Замок молчал.

— Ну же.

Локомотив вошёл на переезд.

Внутри стойки что-то щёлкнуло. Звук был таким тихим, что Илья скорее почувствовал его пальцами, чем услышал в грохоте.

Красный индикатор погас, и калитка открылась.

Полицейский застыл с рацией возле рта. Женщина у будки медленно опустила собственную рацию, после чего они посмотрели друг на друга через рельсы и приближающийся локомотив. В их одинаково расширившихся глазах читался один и тот же вопрос: кто только что открыл оба замка, если система была заблокирована, а дежурная не прикасалась к управлению?

Илья вывалился на улицу, калитка захлопнулась за его спиной, а в следующую секунду мимо ограждения пронёсся локомотив. Воздушная волна ударила его в спину, распахнула куртку и толкнула вперёд. Он едва удержался на ногах, прижав к груди рюкзак.

Состав отрезал его от преследователя сплошной грохочущей стеной.

Несколько мгновений Илья стоял, согнувшись и пытаясь вдохнуть. Капли пота стекали по вискам, ушибленное колено пульсировало, а в груди вместо лёгких словно лежали два раскалённых камня.

— Спасибо, — наконец произнёс он. — Правда. От всей души.

Некоторое время назад Ника проводила Илью взглядом до дверей ломбарда и, прикинув, куда он, скорее всего, направится после задуманного, решила ждать у железнодорожного переезда. Это был самый короткий путь к старым дворам, где легко затеряться среди арок и проходных подъездов.

Она заранее пересекла пути, поставила машину на площадке возле закрытого магазина и остановилась так, чтобы в случае необходимости сразу уехать, не теряя времени на разворот. Переезд остался за спиной.

Сначала ничего не происходило. Затем вдали завывли сирены, шлагбаумы опустились, а в зеркале заднего вида появился Илья — сначала маленькая тёмная фигура между сигнальными огнями, затем бегущий человек с рюкзаком, которого запертые калитки дважды пропустили вопреки всем правилам.

Этого Нике было достаточно.

Она отстегнула ремень безопасности на пассажирском сиденье и потянулась к двери.

Илья поднял голову.

Серый автомобиль стоял на площадке перед закрытым магазином, задними фонарями к переезду и носом к свободной дороге. Пассажирская дверь распахнулась.

— Садись! — крикнула девушка за рулём.

Илья не стал спрашивать, кто она. Для вопросов ему не хватало ни воздуха, ни времени, ни сил. Поезд состоял не из бесконечного количества вагонов, и через несколько секунд полицейский сможет продолжить погоню.

Он подбежал к автомобилю, втиснулся на пассажирское сиденье вместе с рюкзаком, тут же обхватил его обеими руками и захлопнул дверь. Девушка сразу нажала на газ, и серый автомобиль рванул вперёд, подняв из-под колёс широкие веера грязной воды.

Илья сполз ниже по сиденью и прикрыл глаза, пытаясь заставить дыхание успокоиться. Ушибленное колено пульсировало, ладони саднило после падения, а разорванный рюкзак он держал у живота, словно боялся, что очередное чудо внезапно передумает и потребует вернуть добычу.

Девушка управляла быстро, но уверенно. Она не оглядывалась на него и не задавала вопросов, пока переезд, поезд и синие огни не исчезли далеко позади.

Только тогда она посмотрела в зеркало и будничным тоном спросила:

— Бумажку с кодом не потерял?

У Ильи перехватило дыхание. Он медленно повернул голову к незнакомке, и выражение её спокойного лица испугало его сильнее, чем полицейский, поезд и две запертые калитки вместе взятые, потому что до этой секунды Илья был уверен: о восьми цифрах не знает больше никто.

Глава 2. Восемь цифр

— Бумажку с кодом не потерял?

Илья не ответил.

Он вообще не был уверен, что расслышал её правильно. В салоне гудел двигатель, колёса с глухими ударами проходили стыки асфальта, а где-то позади всё ещё грохотал поезд. Звук постепенно отдалялся, но тело этого не понимало: сердце продолжало колотиться, грудь ходила ходуном, и каждый вдох отдавал болью под рёбрами.

Он сунул руку во внутренний карман куртки.

Пальцы не сразу нашли сложенный чек. На одно короткое мгновение Илья решил, что бумажка выпала на путях, когда он дёргал застрявший рюкзак, и внутри всё оборвалось.

Потом ноготь зацепил мятый край. Чек был на месте.

Илья прижал его через ткань к груди и только после этого выдохнул. Пока бумажка оставалась у него, всё ещё могло закончиться нормально. Так было всегда. Иногда цифры помогали сразу, иногда им требовалось время, и Илья давно приучил себя не выбрасывать написанное, пока не убедится, что неприятности действительно остались позади.

Почему это работало именно так, он не знал.

Проверять обратное ему никогда не хотелось. Особенно сейчас.

Он медленно повернулся к девушке за рулём.

Она больше не смотрела на него и не повторяла вопрос. Вела машину обеими руками, часто поглядывая то в зеркало заднего вида, то в боковые. Тёмные волосы были собраны в хвост, несколько прядей выбились и прилипли к виску. На вид ей было примерно столько же, сколько ему, может, на пару лет меньше. Обычная чёрная куртка, светлая кофта, тонкие часы на запястье.

Ни формы, ни рации, ни оружия, которое он смог бы заметить.

Машина тоже выглядела самой обычной. Немолодая тёмно-синяя «Шкода», держатель для телефона на панели, бутылка воды в кармане двери, скомканная куртка на заднем сиденье. В салоне пахло кофе, мятой жвачкой и нагретым за день пластиком.

Илья перевёл взгляд вниз.

Илья перевёл взгляд на рюкзак, который по-прежнему прижимал к животу. Боковой шов разошёлся, из прорехи выглядывал угол синего футляра. Илья торопливо затолкал его внутрь, но что-то звякнуло, выскользнуло из прорехи и исчезло под ногами.

— У тебя что-то выпало, — сказала девушка и слегка улыбнулась, будто хотела хотя бы немного снизить напряжение.

Илья молча посмотрел на неё, затем нагнулся и нащупал между ковриком и креплением кресла тонкую цепочку. Когда он потянулся за ней, боль прострелила колено, и он резко втянул воздух сквозь зубы.

— Сильно болит? — спросила девушка, на мгновение посмотрев в его сторону. — Ты на ногу вообще наступать можешь?

— Наступать могу. Удовольствия, правда, немного, — процедил Илья, заталкивая цепочку обратно в рюкзак.

Он выпрямился не сразу, придерживая колено рукой.

На ладонях темнела грязь, кожа была содрана в нескольких местах. На джинсах возле колена расплзлось мокрое пятно. Только сейчас, когда бежать больше не требовалось, Илья начал чувствовать всё сразу: ушибленный бок, горящие ладони, тяжесть в ногах и противную дрожь, которая никак не проходила.

Он ещё раз внимательно посмотрел на девушку.

— Ты из полиции или у меня сегодня появился какой-то другой повод для беспокойства?

— К полиции я отношения не имею, — ответила она, сохраняя взгляд на дороге. — По крайней мере, это сейчас должно тебя немного успокоить.

— Немного успокоило, — признал Илья и отвернулся к окну. — Хотя вопросов почему-то меньше не стало.

Мимо проплывали пятиэтажки. В окнах одна за другой загорался свет. На детской площадке женщина тянула за руку ребёнка, который упирался и пытался вернуться к качелям. Возле подъезда двое мужчин выгружали из багажника коробки.

Обычный вечер продолжался так, словно несколько минут назад Илья не перебежал железнодорожные пути перед поездом.

Дыхание понемногу выравнивалось. Вместе с ним возвращалась способность думать.

— Если бы я была из полиции, — продолжила девушка, бросив взгляд на тёмный след возле его бедра, — ты бы сейчас, скорее всего, лежал лицом в коврик, а не пачкал мне кровью сиденье.

Илья опустил глаза на обивку.

— Ототрётся. Там воды немного, мыло — и вообще как новое будет.

— Очень надеюсь, что ты разбираешься в чистке салона лучше, чем в ограблениях.

В голосе девушки не было насмешки. Скорее усталое замечание человека, которому сегодня досталась лишняя проблема.

Илья снова посмотрел на неё.

— Если ты не из полиции, тогда кто? И как к тебе хотя бы обращаться, пока ты решаешь, куда меня везти?

Девушка перестроилась в правый ряд, пропустила автобус и только после этого ответила:

— Меня зовут Ника.

— Илья.

Он протянул ей окровавленную ладонь.

Ника на секунду отвлеклась от дороги, оценила предложенную руку и осторожно пожала один палец, до которого кровь не добралась.

Оба невольно улыбнулись.

— Очень приятно познакомиться, Илья, — произнесла она, возвращая руку на руль. — Хотя обстоятельства можно было выбрать и поспокойнее.

— Я тоже пока не решил, насколько мне приятно, — ответил он. — Но начало запоминающееся.

Улыбка Ники задержалась ещё на секунду и исчезла.

Илья убрал руку и снова внимательно посмотрел на неё.

— Теперь, когда официальная часть закончилась, может, ты всё-таки объяснишь, кто ты и почему знала, что у меня в кармане лежит бумажка с цифрами?

Ника проверила зеркало заднего вида. За ними двигался обычный вечерний поток, но она всё равно несколько секунд следила за машинами, прежде чем ответить.

— Объясню. Только не всё сразу и не здесь. Нам сначала нужно отъехать подальше от переезда и убедиться, что никто не успел запомнить машину.

— Мы уже отъезжаем, — заметил Илья. — И я пока не вижу причин, почему нельзя одновременно ехать и разговаривать.

— Потому что мне приходится следить за дорогой, зеркалами и тобой, — спокойно пояснила Ника. — А ты сейчас напуган, зол и ещё не до конца пришёл в себя. В таком состоянии люди обычно слышат только половину, а потом делают выводы из той половины, которая им больше понравилась.

Илья хотел возразить, но остановился.

Ещё минуту назад ему действительно было достаточно того, что машина увозила его от переезда. Теперь сознание постепенно возвращалось, и вместе с ним пришло запоздалое пони-

мание: он сел к совершенно незнакомому человеку, который знал его имя, знал про бумажку с цифрами и заранее оказался там, где закончилась погоня.

Причём сел не один, а с мешком золота.

Мысль возникла настолько просто, что Илья разозлился на себя за то, что не подумал об этом раньше. Его могли сейчас отвезти куда-нибудь в гаражи, на пустую стройку или за город, где уже ждали другие люди.

Он посмотрел на руки Ники, затем на дверной карман, пространство между сиденьями и зеркало заднего вида.

Ника не нервничала, не переписывалась с кем-то, не поглядывала на рюкзак и вообще не проявляла к добыче никакого интереса. Это немного успокаивало, но не объясняло, почему она так осторожно подбирала ответы.

Кто она? Откуда знает про цифры? Почему ждала возле переезда?

Сначала надо избавиться от золота, решил Илья. Если Нике нужен рюкзак, это станет понятно сразу. А если нет, хотя бы одна причина опасаться её исчезнет.

— Послушай, Ника, — заговорил он уже жёстче. — Ты знаешь моё имя, знаешь про чек и оказалась возле переезда ровно в тот момент, когда я там появился. Поэтому мне всё-таки хотелось бы понять, куда мы сейчас едем и почему ты решила, что я спокойно соглашусь ехать с тобой дальше.

Ника на мгновение прикрыла губы, словно собиралась с мыслями.

— Сейчас мы просто уезжаем из района, где тебя видели полицейский и дежурная переезда. Дальше я собиралась отвезти тебя в безопасное место и познакомить с людьми, которые смогут объяснить происходящее намного лучше меня.

— С какими ещё людьми?

Илья почувствовал, как внутри снова поднимается напряжение.

— С теми, кто понимает, что именно ты делаешь, когда пишешь свои цифры, — ответила Ника. — И кто сможет решить, насколько серьёзная опасность тебе сейчас грозит.

Илья повернулся к ней всем корпусом.

— Подожди. Про опасность ты раньше ничего не говорила. Какая ещё опасность?

Ника медленно выдохнула и снова посмотрела в зеркало.

— Тебя могут искать не только из-за ломбарда. Есть люди, которым интересны такие последовательности. И я очень рада, что нашла тебя раньше, чем они.

На несколько секунд Илья перестал замечать боль в колене.

— Что значит «такие последовательности»? Откуда они вообще знают про мои цифры?

— Я не сказала, что они уже знают именно про твои. Но если ты продолжишь использовать код так открыто, вопрос времени, когда заметит кто-то ещё.

Илья обернулся к заднему стеклу.

Дорога была пустой. Ни мигалок, ни машины, которая слишком долго держалась бы за ними. И всё же спокойнее от этого не стало.

— Давай тогда сначала заедем к Лёхе, — сказал он, снова повернувшись к Нике. — Я оставляю у него кое-какие вещи. Улица Селезнёва, дом десять.

Ника посмотрела на него.

— Кто такой Лёха?

— А тебе зачем? — Настороженность Ильи усилилась. Он крепче обхватил рюкзак, хотя поведение Ники по-прежнему не выдавало никакого интереса к золоту.

— Ты предлагаешь ехать к человеку с краденными украшениями, — объяснила она, сохраняя спокойный тон. — Я хочу хотя бы понимать, к кому мы направляемся и не вызовет ли он полицию, как только увидит содержимое рюкзака.

— Не мы, а я. Это важно, — поправил Илья. — Я оставляю у него рюкзак, вернусь в машину, а потом, как я понимаю, нам всё-таки придётся нормально поговорить.

Ника быстро посмотрела на него и слегка кивнула.

— Поговорить нам действительно придётся. Только, скорее всего, не только со мной. Люди, к которым я тебя везу, знают гораздо больше и смогут ответить на вопросы, на которые у меня самой нет ответа.

Улыбка окончательно исчезла с её лица. Илья заметил, как изменилось выражение Ники: она не пыталась его напугать, но явно считала ситуацию серьёзной.

— Хорошо, — протянул он, стараясь говорить спокойнее. — До вашего собрания я всё равно хочу оставить рюкзак. Мне будет гораздо легче слушать объяснения, если рядом не будет золота, за которое меня могут посадить.

Ника дождалась, пока встречная машина проедет мимо, и на несколько секунд повернулась к нему.

— Илья, нам не нужен твой рюкзак. Ни мне, ни тем, с кем я работаю. Тебе грозит совсем другая проблема, и золото сейчас только мешает быстрее разобраться.

— Кому это «нам»? — переспросил он, снова цепляясь за слово.

— Пока достаточно знать, что я работаю не одна.

— Прекрасно. Значит, меня везут к группе незнакомых людей, которые знают о моих цифрах больше меня самого.

— Я понимаю, как это звучит, — сказала Ника. — Поэтому и не требую, чтобы ты мне сразу поверил. Оставим рюкзак, поговорим, а дальше сам решишь, ехать со мной или выйти из машины.

Илья изучал её лицо. Она говорила спокойно, не торопила и не пыталась вынудить его согласиться. Это не снимало подозрений, но хотя бы делало происходящее похожим на выбор.

— Как давно ты вообще за мной наблюдаешь? — спросил он.

Ника провела большим пальцем по краю руля.

— Первый раз я увидела тебя около трёх месяцев назад. Ты написал цифры карандашом, после чего вокруг тебя произошло несколько слишком удобных совпадений. Я решила проверить, действительно ли причина в тебе.

Илья перестал смотреть на дорогу.

— То есть ты три месяца ходила за мной и ни разу не могла просто подойти?

— Иногда следила, иногда проверяла информацию, — уточнила Ника. — Я не знала, связан код с тобой, с человеком рядом, с определённым местом или с какой-то вещью, которую ты носишь. Если бы я подошла слишком рано и ошиблась, могла бы напугать обычного человека разговорами про числа.

— А сейчас уже уверена?

Илья машинально коснулся внутреннего кармана, где лежал сложенный чек.

Ника заметила движение.

— Сейчас уверена, что ты пользуешься кодом. Но по-прежнему не понимаю, откуда он у тебя и насколько хорошо ты представляешь, что делаешь.

— Я представляю достаточно, чтобы оно работало.

— Ты считаешь, что тебе просто везёт, — сказала Ника. — Но это не удача и не волшебство. У кодов есть правила, границы и последствия. Судя по сегодняшнему вечеру, о последствиях ты пока почти ничего не знаешь.

Илья отвернулся к окну.

Когда-то он действительно думал, что за всё это придётся платить. Особенно после первых случаев, когда совпадения становились слишком точными. Потом привык, начал считать цифры своей личной удачей и перестал задавать вопросы.

Теперь вопросы вернулись сразу все.

— Хорошо. Ты сказала, что мне грозит опасность, — произнёс он, снова повернувшись к Нике. — Какая именно и кто меня ищет?

Она не стала отвечать сразу. Машина приблизилась к пешеходному переходу, и Ника пропустила женщину с ребёнком. Лишь когда дорога снова освободилась, она заговорила:

— Я не знаю, успел ли кто-нибудь конкретный выйти на твой след. Именно поэтому не хочу называть имена и пугать тебя догадками. Но существуют люди, которые собирают сильные коды и ищут тех, кто ими пользуется. Если твоя последовательность действительно необычная, рано или поздно она привлечёт внимание.

— И что эти люди делают, когда находят такого человека?

— Зависит от человека и от кода. Иногда предлагают сотрудничать. Иногда забирают последовательность. А иногда стараются сделать так, чтобы владелец больше ею не воспользовался.

Илья почувствовал, как ладонь сама сжалась на ремне рюкзака.

— Ты сейчас говоришь об убийстве?

— Я говорю, что тебе нельзя продолжать считать происходящее безобидной удачей, — ответила Ника. — И что сегодня тебе действительно повезло встретить меня раньше кого-то другого.

Он откинулся на спинку кресла и несколько раз медленно вдохнул.

В салоне стало тихо, если не считать навигатора и шума колёс.

Ника дала ему немного времени прийти в себя, затем осторожно вернула разговор к Лёхе:

— Ты уверен, что друг не испугается рюкзака и сможет его спрятать?

Илья повернул голову к ней.

— Мы вместе выросли в детском доме. Я знаю Лёху столько, сколько помню себя. Он вытаскивал меня из таких ситуаций, после которых нормальные люди перестают здороваться. Ближе него у меня никого нет.

— Он знает про цифры?

— Нет. И не нужно его в это втягивать, — твёрдо ответил Илья. — Чем меньше Лёха знает, тем безопаснее для него.

Ника обдумывала его слова, затем сняла телефон с держателя.

— Хорошо. Повтори адрес, и мы сначала поедem к нему.

— Улица Селезнёва, дом десять.

Она ввела данные в навигатор. На экране появился маршрут, рассчитанный примерно на четырнадцать минут.

— Едем к Лёхе, — сказала Ника. — Но надолго там не остаёмся. Чем быстрее избавимся от золота и сменим район, тем лучше.

Илья проследил, как синяя линия легла через три квартала и широкую центральную улицу.

Пока всё выглядело так, будто Ника действительно собиралась выполнить просьбу. Она не спрашивала о стоимости добычи и не пыталась изменить адрес.

Это немного успокоило его.

Через пару минут прореха в рюкзаке стала шире. Один из пластиковых пакетов высунулся наружу и закачался возле ботинка.

Ника заметила это боковым зрением.

— Если шов разойдётся ещё немного, до Лёхи доедет только половина содержимого, — сказала она. — У меня в багажнике есть спортивная сумка. Лучше сейчас найти спокойное место и всё переложить.

Илья посмотрел на навигатор. До дома оставалось чуть больше десяти минут.

— Насколько далеко придётся отклониться?

— Здесь рядом подземная парковка. Потеряем минут пять, зато не будем потом искать цепочки по дороге.

Ему не хотелось сворачивать с маршрута, особенно после разговора об опасности. Но рюкзак держался почти на одной нитке.

— Хорошо. Только действительно быстро, — согласился он, подхватывая рюкзак снизу.

На следующем перекрёстке Ника свернула во двор. Навигатор тут же предложил развернуться.

Машина въехала в узкий проезд между двумя длинными домами. Слева стояли припаркованные автомобили, справа тянулась ограда детского сада. Впереди дорогу перекрывали автоматические ворота подземной парковки.

Над ними горела красная лампа.

— Нас туда без брелока не пропустят, — заметил Илья, оглядывая закрытый въезд.

— Посмотрим, — ответила Ника и остановила машину в нескольких метрах от ворот.

Она не заглушила двигатель. Открыла нишу под магнитолой, достала короткий деревянный карандаш, затем вытащила из кармана двери старую магазинную квитанцию.

Илья замер. Он сразу понял, что она собирается делать.

Не догадался — понял. По тому, как Ника положила бумагу на руль, как перехватила карандаш и на секунду посмотрела на ворота перед первой цифрой. Точно так же он сам проверял взглядом то, что хотел изменить, прежде чем начинал писать.

Только Ника делала это спокойно. Без привычной для него паузы, без просьб продержаться ещё немного, без ощущения, что сейчас она обращается к чему-то, чего не понимает и потому старается лишний раз не тревожить.

Она просто собиралась написать код. Только не его — другой.

От этой мысли по спине прошёл холод.

Все восемь лет Илья считал цифры чем-то принадлежащим только ему. Личной странностью, тайной, случайно оставленной на роддомной бирке. Он допускал, что никогда не узнает, почему они работают, но ни разу всерьёз не подумал, что существуют другие люди, которые садятся перед закрытыми воротами, достают карандаш и делают то же самое.

Ника коснулась грифелем бумаги. Илья подался вперёд, пытаясь увидеть последовательность.

Первая цифра была шестёркой. Кажется, следующая — четвёркой. Потом Ника сдвинула ладонь и закрыла остальное.

Она писала быстро, почти без остановок.

Илья машинально коснулся внутреннего кармана со своим чеком. Его собственные восемь цифр всегда требовали времени. Он выводил каждую медленно, боясь ошибиться, и никогда не использовал их без серьёзной причины.

Ника же тратила код ради ворот на парковку.

Это казалось почти расточительством.

— Ты часто используешь их для таких мелочей? — спросил Илья, не отрывая взгляда от её руки. — Я бы свои ради парковки писать не стал.

Ника поняла, о чём он спрашивает, но сначала закончила последовательность. Только подняв карандаш над бумагой, она ответила:

— Мой код слабый и рассчитан именно на небольшие события. Я не могу с его помощью устроить то, что происходило сегодня вокруг тебя, зато могу применять такие последовательности чаще и с меньшим риском.

— Насколько чаще? Ты сейчас напишешь этот, а через десять минут сможешь использовать следующий?

— Всё зависит от того, закончится ли первое действие и какая нагрузка останется после него, — пояснила Ника, складывая квитанцию. — Скоро тебе объяснят разницу между уровнями. Сейчас главное — не пытайся сравнивать мой код со своим. Мы пока даже не знаем, к какому уровню относится твой.

Илья перевёл взгляд на красную лампу. Ворота оставались закрытыми.

— А если ничего не произойдёт?

— Значит, вероятность оказалась недостаточной и код не смог найти подходящий путь, — спокойно ответила Ника. — Тогда мы развернёмся и поищем другое место.

Илья посмотрел на неё с новым удивлением.

Для него неудача всегда означала, что цифры либо не услышали, либо ещё не закончили работу. Он мог ждать, повторять последовательность, сильнее сжимать бумажку в кармане и просить её продержаться.

Ника же знала границы того, что делала. Именно это потрясло его сильнее самого карандаша.

За воротами вспыхнул свет.

Через несколько мгновений послышался шум двигателя, и металлическая створка начала подниматься.

Из парковки выехал чёрный внедорожник. Мужчина за рулём разговаривал по телефону и даже не посмотрел на стоящую снаружи «Шкоду».

Ника включила передачу.

— Сейчас створка начнёт закрываться, — предупредил Илья, продолжая смотреть не на ворота, а на неё.

— Мы успеем. Обычно датчик держит их открытыми несколько секунд после проезда машины.

«Шкода» тронулась следом за внедорожником. Они проскочили под поднявшимися воротами, и почти сразу за багажником створка пошла вниз.

В подземной парковке было прохладно и сыро. Свет включался отдельными секциями по мере движения машины. За ними лампы постепенно гасли, и тёмный ряд будто тянулся следом.

Ника проехала в дальний угол и остановилась между старым микроавтобусом и бетонной колонной.

Илья всё ещё не мог отвести от неё взгляд.

— Значит, я действительно не один, — произнёс он наконец. — Всё это время я был уверен, что таких цифр больше ни у кого нет.

Ника растянула ремень безопасности, но выходить не стала.

— Ты не один. Есть другие коды, люди, которые умеют их составлять, и те, кто только пользуется готовыми последовательностями. Но случайных людей среди них почти не бывает.

— Много вас?

Ника подумала.

— Больше, чем ты мог представить ещё полчаса назад. Но недостаточно много, чтобы можно было открыто обсуждать это с каждым встречным.

Ещё недавно главной проблемой Ильи был полицейский, бежавший за ним вдоль путей. Теперь выяснилось, что цифры на роддомной бирке были не чудом, не счастливой случайностью и даже не его личным секретом.

Это была система.

И Ника знала хотя бы часть её правил.

Она вышла из машины, открыла багажник и вернулась со старой спортивной сумкой.

— Переложим всё сюда, потом я обработаю тебе руки и колено, — сказала Ника, положив сумку ему на колени. — В таком виде ты к другу всё равно не пойдёшь. Он решит, что тебя не от полиции, а от поезда пришлось спасать.

Илья растянул рюкзак, но сразу поднял голову.

— На парковке камеры есть?

— На въезде точно есть. Здесь я камеры не вижу, но обещать, что её нет, не стану.

Он осмотрел потолок, тёмные углы и бетонные балки.

— Звучит не очень надёжно.

— Здесь хотя бы никто не увидит, как ты перекладываешь золото, — пояснила Ника.
— А номер машины дежурная могла запомнить и раньше. Долго задерживаться мы всё равно не будем.

Илья ещё раз проверил пустой ряд и начал перекладывать футляры, пакеты, цепочки и часы.

В ломбарде добыча казалась намного внушительнее. Там всё блестело под витринным светом и выглядело как новая жизнь. Здесь, под холодной лампой парковки, большая часть вещей напоминала чужой хлам, за который ему могли дать вполне настоящий срок.

Одна цепочка зацепилась за разошедшуюся молнию.

Илья несколько раз попытался освободить звенья, но лишь затянул узел.

— Дай посмотреть, иначе ты её порвёшь, — предложила Ника, протягивая руку.

— Сейчас попробую ещё раз. Там просто застёжка за ткань зацепилась.

Он потянул сильнее.

Ника покачала головой.

— Если собираешься отдавать это Лёхе, ему наверняка будет удобнее получить цепочку целой.

Илья посмотрел на неё, затем на тонкие звенья и отпустил украшение.

Ника осторожно подцепила его ногтем, освободила и положила в сумку.

— Ты часто грабишь ломбарды или сегодня решил попробовать что-нибудь новое? — спросила она, помогая придерживать раскрытый рюкзак.

— Именно ломбард впервые. И пока впечатления смешанные, — ответил Илья, стараясь разъединить две запутавшиеся цепочки. — Товар хороший, обслуживание нервное, парковки нет.

Ника не рассмеялась, но уголки её губ дрогнули.

— Значит, отзыв оставлять не будешь.

— Думаю, мы оба будем рады больше не встречаться.

Когда рюкзак опустел, Илья поставил его на пол. Разошедшийся бок теперь свисал куском ткани.

Ника достала из багажника бутылку воды и небольшой пластиковый футляр с красным крестом.

— Дай мне сначала посмотреть ладони. Там грязь с путей, и если её сейчас не смыть, завтра будет гораздо хуже.

Илья посмотрел на аптечку, затем на Нику.

— Ты умеешь это делать или просто очень уверенно держишь коробку с красным крестом?

— Врачом я не являюсь, но царапины промыть смогу. Можешь отказаться, только тогда не размазывай кровь по остальной машине.

Он рассматривал свои ладони. В складках кожи засохла грязь, а возле большого пальца всё ещё выступала кровь.

— Хорошо. Только без попыток ампутации.

Ника смочила салфетку водой и осторожно провела ею по коже.

Илья дёрнул пальцами.

— Предупреждаю: антисептик будет щипать сильнее воды, — сказала она, придерживая его кисть за запястье. — Постарайся не вырывать руку, иначе придётся начинать заново.

— Поздновато предупреждаешь. Она уже болит так, словно ты всё-таки решила провести операцию.

Ника подняла на него глаза.

— Я пока только вытираю грязь.

— Тогда у меня очень богатое воображение.

Она слегка улыбнулась и продолжила.

Илья впервые смог спокойно рассмотреть её лицо с близкого расстояния. На подбородке тянулся тонкий белёсый шрам. Под глазами залегли слабые тени, будто она давно нормально не спала. Спокойствие, которое он сначала принял за уверенность, теперь выглядело скорее привычкой держать себя в руках.

Закончив с ладонями, Ника посмотрела на пятно крови на джинсах.

— Колено тоже нужно промыть. Ты сейчас хромаешь сильнее, чем пытаешься показать.

— Наступать я могу. Просто сгибается оно сегодня без особого желания.

— Подними штанину, и мы хотя бы убедимся, что там нет глубокой раны.

Илья неохотно закатал джинсы.

Колено распухло. К коже прилипли пыль и мелкие частицы ржавчины с путей.

Ника присела возле открытой двери.

— Медленно согни ногу. Я посмотрю, насколько двигается сустав.

Илья выполнил просьбу, но лицо у него сразу напряглось.

— Боль резкая или больше тянущая?

— Сначала резкая, потом хочется кого-нибудь обвинить, — выдохнул он сквозь зубы.
— В остальном терпимо.

Ника осторожно провела пальцами по краю коленной чашечки.

— На перелом и повреждение сустава не похоже, — сказала Ника после осмотра. — Сильный ушиб и поверхностная ссадина. Несколько дней будет болеть, но нога стабильна. По возможности её всё равно лучше не перегружать.

— После сегодняшнего вечера звучит как вполне выполнимый план.

Она промыла рану и закрепила повязку.

Пока Ника собирала упаковки от салфеток, Илья несколько раз посмотрел на карман её куртки. Из него торчал край сложенной квитанции, на которой она написала код перед воротами.

Ника заметила взгляд.

— Ты хочешь посмотреть последовательность или тебя интересует, зачем я сохранила бумажку?

— Второе. Если код уже сработал, почему ты её не выбросила?

Ника достала квитанцию, разгладила большим пальцем сгиб и снова сложила.

— Позже я запишу, где использовала код, в какое время и что именно произошло. Такие записи помогают понимать ошибки и не повторять их.

— А если бумажку сейчас порвать или выбросить, действие прекратится?

— Нет. После того как написана последняя цифра, носитель больше ничего не удерживает. Можешь сжечь листок, намочить или разорвать — уже запущенное событие это не останавливает.

Илья машинально коснулся внутреннего кармана. Ника проследила за движением.

— Ты поэтому всё это время хранишь свой чек? Думаешь, пока бумажка цела, удача продолжает работать?

Он убрал руку и посмотрел на спортивную сумку.

— Я просто привык не выбрасывать написанное, пока дело не закончится. Однажды выкинул раньше времени, и через десять минут машина сломалась.

— Машина могла сломаться независимо от чека, — мягко сказала Ника. — Но я понимаю, почему после этого ты решил больше не рисковать.

Илья ожидал насмешки, однако её не последовало.

— Всё равно пока оставляю его у себя, — сказал он, плотнее застегнув карман. — Теорию проверим как-нибудь в менее подходящий для ареста день.

— Оставляй. Бумага тебе не мешает, а спорить сейчас действительно бессмысленно. Именно отсутствие насмешки немного успокоило Илью.

— Если бумажка не поддерживает действие, зачем вы храните использованные коды?

— Для анализа. Записываем, где и зачем использовали последовательность и что произошло потом. Иначе через месяц уже не отличишь действие кода от обычного совпадения.

— Сколько лет ты пользуешься своим кодом? — спросила Ника, закрывая аптечку.

— С восемнадцати. Сейчас мне двадцать шесть, так что примерно восемь лет.

Она перестала двигаться.

— И всё это время использовал одну последовательность, которую сам не составлял?

— Да.

— Тогда откуда она у тебя?

Теперь уже Илья не захотел отвечать.

— Об этом я расскажу позже, когда пойму, куда ты меня везёшь и насколько тебе можно доверять.

Ника смотрела на него, затем кивнула.

— Справедливо. Вернёмся к этому после Лёхи.

Она убрала аптечку в багажник и села за руль.

Машина медленно тронулась по парковке. Свет загорался впереди отдельными секциями и гас позади.

— Когда вообще можно писать следующий код? — спросил Илья, пока они ехали к выезду. — Есть какое-то время ожидания?

— Фиксированного времени нет. Нужно дожидаться, пока закончится событие, для которого был написан предыдущий код.

— А как понять, что оно закончилось?

— Если последовательность составлена правильно, её автор заранее определяет границы. Например, мой код был рассчитан на то, чтобы мы попали внутрь парковки. Мы въехали, ворота закрылись — событие завершилось.

Перед выездом стояла машина. Створка поднялась по сигналу брелока, и Ника пристроилась следом.

— А мой код когда закончится?

Она посмотрела в зеркало на спортивную сумку.

— Для начала нужно понять, чего именно ты хотел, когда писал его в ломбарде.

— Сначала хотел, чтобы продавщица вышла из зала. Потом, конечно, чтобы я смог забрать золото и уйти.

— Золото всё ещё у тебя, а полиция пока не перестала тебя искать. Значит, действие вполне может продолжаться.

Илья положил ладонь на внутренний карман.

— Тогда тем более чек лучше пока сохранить.

— Сохраняй, если так спокойнее, — ответила Ника. — Только помни: работает не бумажка, а уже запущенная цепочка.

Машина выехала на улицу.

Навигатор сообщил, что до улицы Селезнёва осталось шесть минут.

— Коды зависят от времени суток? — спросил Илья, когда парковка осталась позади. — Или ночью они работают иначе?

— Само время суток значения не имеет, но дата, точное время и место могут входить в расчёт определённой последовательности.

— А полнолуние и всё такое?

Ника быстро посмотрела на него, проверяя, шутит ли он.

Илья ждал ответа совершенно серьёзно.

— Полнолуния ждать не нужно. В сложных расчётах могут учитывать природные циклы, погоду или другие условия, но это не ритуал.

— Тогда что?

— Расчёт вероятности.

Слово прозвучало неожиданно буднично.

— Твой код на парковке был рассчитан заранее?

— У меня есть несколько слабых последовательностей для похожих ситуаций. Они дают небольшое изменение, поэтому я могу использовать их чаще, чем сильные коды.

— Насколько чаще?

— Точного расписания нет. Нужно смотреть, закончилось ли предыдущее действие и какая нагрузка осталась.

— Какая нагрузка?

Ника ненадолго убрала одну руку с руля и сжала пальцы.

— После кода может болеть голова, появиться шум в ушах, дрожь или проблемы с концентрацией. Чем сильнее последовательность, тем дольше это продолжается.

Илья вспомнил собственную дрожь после ломбарда, но пока не мог отделить её от усталости и страха.

— Если всё равно написать новый код, он сработает?

— Может сработать. Просто вероятность ошибки будет намного выше. Поэтому опытные люди не используют последовательности постоянно, даже если физически способны это сделать.

— Ошибки тоже меняют реальность?

— Да. И иногда они работают гораздо лучше, чем хотелось бы.

Илья хотел уточнить, но навигатор сообщил о повороте.

До дома Лёхи оставалось два квартала.

Он достал телефон.

На экране было пять пропущенных вызовов: три от Лёхи и два с неизвестного номера.

— Лёха звонил несколько раз. Наверное, увидел новости или услышал про погоню, — сказал Илья, нахмурившись.

Ника немного убавила звук навигатора.

— Перезвони ему и скажи, что ты жив. Он, скорее всего, уже места себе не находит.

Илья нажал на имя. Лёха ответил после первого гудка.

— Илюх, ты где пропал? Я тебе уже полчаса звоню. С тобой всё нормально?

В его голосе слышалось такое облегчение, что Илья невольно прикрыл глаза.

— Живой. Немного потрёпанный, но в целом всё на месте.

— Ты уверен? Тут сирены по району, возле переезда полиция, а потом мне Женёк позвонил и сказал, что видел кого-то похожего на тебя. Я уже собирался идти искать.

Илья посмотрел на Нику. Та следила за дорогой, стараясь не вмешиваться, но уголки её губ слегка поднялись.

— Не надо меня искать. Я сам сейчас подъеду.

— Приезжай сразу. Я дома. Если за тобой кто-то идёт, заходи через задний двор — там домофон опять не работает.

— Я буду не один.

На том конце возникла короткая пауза.

— С девушкой?

— Лёх, сейчас не время.

— Я просто уточнил, сколько чашек ставить. Она тоже поднимается?

Илья посмотрел на Нику.

— Пока не знаю. Мне нужно у тебя оставить сумку и немного привести себя в порядок.

Голос Лёхи сразу стал серьезнее.

— Что в сумке?

— Потом объясню.

— Понял. Тогда не рассказывай по телефону. Я выйду во двор и встречу вас.

— Не выходи. Лучше оставайся дома, мы сами поднимемся.

— Илюх, если ты снова влез в какую-то историю, я хотя бы должен увидеть, что ты действительно стоишь на ногах.

Илья на несколько секунд замолчал.

Именно таким Лёха был всегда. Мог ругаться, задавать неудобные вопросы и несколько дней напоминать о чужой глупости, но если Илья звонил среди ночи, он сначала открывал дверь и только потом спрашивал, что произошло.

— Хорошо, — сказал Илья. — Только никому больше не звони и ничего не рассказывай.

— Само собой. Жду во дворе.

Связь оборвалась. Илья опустил телефон и посмотрел на Нику.

— Вот поэтому я ему доверяю.

— Понимаю, — ответила она. — По голосу слышно, что он действительно переживал.

Дом номер десять стоял в глубине двора. Старая кирпичная пятиэтажка с тёмным цоколем и балконами, половина которых была застеклена разными рамами.

У первого подъезда уже стоял Лёха.

Он был в спортивных штанах, старой куртке поверх домашней футболки и тапочках, которые явно надел наспех. Увидев «Шкоду», он вышел на свет фонаря и поднял руку.

— Вон он, — сказал Илья. — Останови возле подъезда.

Ника припарковалась у бордюра.

Илья открыл дверь и попытался выйти, но боль в колене заставила его ухватиться за крышу машины.

Лёха оказался рядом почти сразу.

— Господи, ты на себя посмотри, — выдохнул он, придерживая Илью за локоть. — Тебя поезд всё-таки задел?

— Не задел. Мы просто очень близко познакомились.

Лёха перевёл взгляд на Нику, затем на спортивную сумку на заднем сиденье.

— Я Алексей. Можно просто Лёха.

— Ника, — представилась она, выходя из машины. — У него разбито колено и содраны ладони, но ничего серьёзного, насколько я смогла понять.

— Спасибо, что забрала его оттуда, — сказал Лёха совершенно серьёзно. — Сам он обычно сначала делает глупость, а потом думает, как из неё выбраться.

— Я рядом стою, — напомнил Илья.

— Именно поэтому и говорю при тебе. Может, когда-нибудь услышишь.

Лёха забрал спортивную сумку, но тяжесть заставила его сразу посмотреть на Илью.

— Здесь что?

— То, что нужно пока спрятать и не открывать.

Лёха изучал лицо друга.

— Полиция искать будет?

— Возможно.

— Тогда в квартире оставлять нельзя. У меня в подвале есть старый ящик за трубами, про него даже хозяин квартиры не знает. Положу туда.

Илья почувствовал, как напряжение немного отпустило.

— Я знал, что на тебя можно рассчитывать.

— Ты сначала поднимись и приведи себя в порядок, а потом будешь благодарить.

Ника посмотрела на часы.

— Нам действительно лучше не задерживаться. Пять-десять минут, не больше.

Лёха перевёл взгляд с неё на Илью.

— Вы куда-то ещё едете?

— Мне нужно разобраться с одной проблемой, — ответил Илья. — Пока сам толком не понимаю с какой.

Лёха нахмурился.

— Ты уверен, что хочешь ехать? Можешь остаться у меня, а утром разберёмся вместе.

Илья посмотрел на Нику.

Она не убеждала его и не пыталась вмешаться. Просто стояла у машины и ждала решения.

— Мне нужно поехать, — сказал он. — Но если через несколько часов я не позвоню, ничего не предпринимай. Просто жди.

Лёхе это явно не понравилось.

— Хотя бы адрес скажи.

— Я пока сам его не знаю.

— И ты собираешься ехать неизвестно куда?

— Не совсем неизвестно.

Илья посмотрел на Нику.

— Просто пока не до конца понятно.

Лёха подошёл ближе и понизил голос:

— Ты этой девушке доверяешь?

Илья задумался.

— Пока нет. Но она вытащила меня от полиции, обработала раны и не попыталась забрать сумку. На сегодняшний вечер это уже неплохая рекомендация.

Лёха посмотрел на Нику, затем снова на друга.

— Позвони, как только доберёшься. В любое время.

— Позвоню.

Лёха крепко обнял Илью, стараясь не задеть повреждённое колено.

— И постарайся хотя бы до завтра больше ничего не грабить.

— Ничего обещать не буду, но желание заметно уменьшилось.

Лёха забрал сумку и скрылся в подъезде. Илья смотрел ему вслед.

За дверью зажёгся свет, затем послышались шаги по лестнице. Лёха не задавал лишних вопросов, не потребовал долю и даже не заглянул внутрь сумки.

Лёха просто помог, как делал всегда. Илья смотрел на закрывшуюся дверь, а потом вернулся в машину.

— Теперь можем ехать, — сказал он, застёгивая ремень. — Золото тебе точно было не нужно. Один вопрос можно вычеркнуть.

Ника завела двигатель.

— Я рада, что хотя бы в этом смогла тебя убедить.

— Куда теперь?

Она выехала со двора и направила машину к широкой улице.

— В место, где тебе подробно объяснят, что такое коды, почему твоя последовательность отличается от обычных и кто ещё может ею заинтересоваться.

— И после разговора я смогу уйти?

— Если захочешь, никто тебя удерживать не станет.

Илья посмотрел на неё.

— Ты говорила, что твои знакомые разбираются лучше тебя. Кто именно будет там?

— Человек по имени Марк Воронцов. Он руководит нашей группой и знает о кодах больше всех, кого я встречала.

— Он видел мою последовательность?

Ника помедлила.

— Ещё нет.

— Тогда почему согласился со мной разговаривать?

Она перестроилась в левый ряд и только затем ответила:

— Потому что я описала то, что происходило рядом с тобой последние три месяца. Марк сказал, что обычный слабый код не способен создавать такие длинные цепочки.

Илья машинально коснулся кармана.

— А если мой код не слабый?

— Тогда у нас появится гораздо больше вопросов.

Телефон завибрировал. На экране появилось сообщение от Лёхи:

Сумку спрятал. Всё нормально. Береги себя и позвони, как доедешь.

Илья невольно улыбнулся и убрал телефон.

— Лёха справился?

— Да. Теперь хотя бы за золото можно не переживать.

Ника кивнула.

Несколько минут они ехали молча. Впереди зажигались фонари, город постепенно становился темнее и спокойнее.

— Ника, — заговорил Илья, доставая сложенный чек. — Последняя цифра действительно обозначает цену?

Она быстро посмотрела на бумагу.

— В большинстве известных мне кодов — да. Но чтобы понять остальные части, нужно увидеть всю последовательность.

Илья развернул чек.

На белой бумаге были аккуратно написаны восемь цифр:

27049912

Ника посмотрела на них и резко отвела взгляд обратно к дороге.

Илья заметил, как её пальцы сильнее сжали руль.

— Что не так?

— Первые шесть цифр — твоя дата рождения?

— Двадцать седьмое апреля девяносто девятого. А последние две я никогда не понимал.

Ника молчала, явно пытаясь осмыслить увиденное.

— Откуда у тебя эта последовательность?

— Перед выпуском воспитательница отдала мне роддомную бирку. Цифры были написаны на ней карандашом.

— Оригинал сохранился?

— Дома.

Ника посмотрела в зеркало заднего вида, хотя дорога позади была пустой.

— Марку нужно увидеть бирку.

— Почему? Цифры я помню и могу написать снова.

— Потому что важна не только последовательность. Бумага, почерк, возраст надписи и то, как именно расположены цифры, могут подсказать, кто её составил.

Илья сложил чек.

— Значит, завтра заедем ко мне.

— Сначала поговорим с Марком. Если всё безопасно, потом решим, как забрать оригинал.

Он посмотрел на неё с недоверием.

— Почему моя квартира вдруг может быть небезопасной?

— Потому что твой сегодняшний код был слишком заметным. Если кто-то ещё наблюдал за ломбардами или отслеживал похожие события, он мог обратить внимание.

Илья положил чек обратно в карман.

— Ты всё время говоришь «кто-то». У этих людей есть название?

— Есть. Но это уже должен объяснить Марк.

Машина свернула с центральной улицы в более тихий район. Здесь стояли старые кирпичные дома, закрытые мастерские и редкие фонари.

— Далеко ещё ехать? — спросил Илья.

— Около двадцати минут.

Он устроился удобнее, насколько позволяло больное колено.

— Тогда у тебя есть двадцать минут, чтобы объяснить хотя бы одну вещь. Почему Марк вообще заинтересовался мной?

Ника молчала. Затем, убедившись, что дорога впереди свободна, посмотрела на него.

— Потому что он уже видел последовательность, начинающуюся с даты рождения.

Илья замер.

— Чью?

— Этого я не знаю. Марк сказал только, что такое построение почти не используется и случайным быть не может.

— Когда он её видел?

— Много лет назад.

Илья почувствовал, как в салоне будто стало холоднее.

— И что случилось с человеком, которому принадлежал тот код?

Ника вернула взгляд на дорогу.

— Об этом тебе лучше спросить у Марка самому.

Впереди загорелся зелёный сигнал светофора.

Машина продолжила путь.

Глава 3. Оригинал

Они ехали молча. После слов Ники о человеке, чей код тоже начинался с даты рождения, Илья ждал продолжения, но она не торопилась его давать. Машина медленно двигалась в вечернем потоке, останавливаясь на светофорах и снова набирая скорость. Красные огни впереди отражались на лобовом стекле, из вентиляции тянуло прохладным воздухом с едва заметным запахом нагретой пыли, а где-то под задним сиденьем время от времени перекачивалась пустая пластиковая бутылка. Илья несколько раз посмотрел на Нику, пытаясь понять, сознательно ли она оставляет вопрос без ответа или просто не знает, что ещё может сказать.

— Ты ведь можешь хотя бы рассказать, что произошло с тем человеком? — наконец спросил он, повернувшись к ней. — Я уже понял, что подробности у Марка, но ты же не просто слышала одну фразу и три месяца носила её в голове.

Ника притормозила перед очередным перекрёстком и, пока машины впереди собирались в плотную очередь, провела пальцами по нижней части руля, словно обдумывая ответ.

— Я знаю общую историю, но не хочу пересказывать её так, будто сама занималась этим случаем, — сказала она. — Марк видел документы, разговаривал с человеком и потом разобрал последствия. Я знаю только то, что он счёл нужным рассказать мне. Если сейчас начну заполнять пробелы своими предположениями, ты уже завтра будешь помнить их как факты.

Илья усмехнулся, хотя веселья в этой реакции почти не было. За последние несколько часов он слишком часто слышал объяснения, заканчивавшиеся тем, что кто-то другой знает больше.

— У вас удобно всё устроено. Сначала ты рассказываешь про людей, которые меня ищут, потом оказывается, что главный специалист сидит в другом месте, а теперь ещё выясняется, что любую неприятную подробность лучше отложить до встречи с ним.

Ника бросила на него короткий взгляд и снова сосредоточилась на дороге. Раздражения в её лице почти не было. Скорее она выглядела уставшей от необходимости постоянно оправдывать собственное незнание.

— Я не главный специалист и никогда им себя не называла. Я умею пользоваться несколькими простыми последовательностями, знаю основные правила и могу заметить ситуацию, которая не похожа на обычное совпадение. Этого достаточно, чтобы найти человека вроде тебя, но недостаточно, чтобы разобрать код, которого я раньше не видела. Если бы я понимала твою последовательность, мы бы сейчас не ехали к Марку.

Светофор переключился, и поток медленно двинулся вперёд. Ника перестроилась в правый ряд, пропустила автобус и вскоре свернула с широкой улицы в старый квартал. Новые жилые комплексы остались позади, дома стали ниже, асфальт возле бордюров был разбит, а деревья росли так близко к дороге, что ветви местами нависали над припаркованными автомобилями. На первых этажах горели небольшие вывески — ремонт телефонов, нотариус, детская одежда, изготовление ключей, ветеринарная аптека. Возле круглосуточной пекарни мужчина в фартуке вытаскивал на улицу мусорный пакет, одновременно отгоняя ногой рыжую кошку.

Илья ожидал совсем другого. Люди, способные несколькими цифрами заставить обстоятельства сложиться нужным образом, в его представлении должны были собираться где-нибудь за городом, за высоким забором, в старом доме с тяжёлыми дверями и комнатами, заставленными книгами, картами и непонятными предметами. Вместо этого Ника въехала во двор обычной кирпичной пятиэтажки, объехала машину, оставленную почти посреди проезда, сделала круг вокруг детской площадки и остановилась возле металлических гаражей.

Илья посмотрел на выцветшую табличку перед капотом, запрещающую загромождать проезд, затем повернулся к Нике.

— Здесь парковаться нельзя. У тебя только что был код для закрытых ворот, а теперь решила просто надеяться, что хозяин гаража не появится?

Ника уже собиралась заглушить двигатель, но задержала руку на ключе и некоторое время смотрела перед собой.

— На парковке мне вообще не обязательно было использовать код. Можно было постоять ещё минуту и заехать следом за следующей машиной.

Илья повернул к ней голову.

— Тогда зачем ты его написала?

Она вытащила ключ из замка зажигания и покрутила металлическое кольцо между пальцами.

— Потому что хотела, чтобы ты увидел: ты не единственный человек, который умеет это делать. Пока я только рассказывала, ты всё равно искал объяснение, при котором я либо сумасшедшая, либо пытаюсь тебя обмануть. Мне нужно было показать что-то простое и очевидное.

Ответ заставил Илью на несколько секунд замолчать. До сих пор он воспринимал произошедшее на парковке как обычное использование удобного инструмента: ворота закрыты, Ника написала цифры, появилась машина, проблема исчезла. Теперь выяснялось, что вся сцена была предназначена в первую очередь для него.

— Можно было хотя бы предупредить, — сказал он уже спокойнее.

Ника повернулась к нему и чуть нахмурилась.

— Представь, что я предупреждаю: сейчас напишу несколько цифр карандашом, после чего совершенно случайный водитель появится именно тогда, когда нам понадобится открытая дверь. Ты бы не поверил до тех пор, пока всё не произошло. Так что предупреждение ничего бы не изменило.

Илья вспомнил собственную реакцию, когда ворота действительно открылись, и нехотя признал, что спорить трудно. Он отстегнул ремень, выбрался наружу и сразу почувствовал, как повреждённое колено отозвалось тупой болью. Ссадина после обработки неприятно стянула кожу, и ему пришлось на мгновение опереться рукой о крышу машины.

Ника уже успела сделать несколько шагов, но заметила движение и остановилась.

— Болит сильнее?

— Терпимо, — ответил Илья и выпрямился раньше, чем она успела предложить помощь.

Она не стала настаивать и просто пошла медленнее. За аркой между домами начиналась короткая улица с полуподвальными помещениями. Из одного доносился ровный гул стиральных машин, в другом за стеклом были выставлены мешки с кормом для животных. Ника прошла ещё метров пятьдесят и остановилась перед серой металлической дверью, над которой висела небольшая пластиковая табличка: «Архивно-консультационный центр “Мера”». Ниже мелкими буквами перечислялись услуги по восстановлению документов, генеалогическим запросам, работе с семейными архивами и подготовке справок.

Илья перечитал список дважды, после чего посмотрел на Нику.

— Это и есть ваша группа?

— Это место, где работает Марк, — ответила она, доставая телефон.

— То есть люди действительно приходят сюда искать прадедушек и восстанавливать свидетельства о браке?

— Именно так. Центр настоящий, сотрудники тоже, большая часть работы вообще не имеет отношения к кодам.

Илья снова посмотрел на вывеску. Простота происходящего почему-то вызывала больше недоверия, чем любой тайный подвал.

— А изменение вероятности идёт отдельным тарифом?

Ника не улыбнулась, только нажала кнопку домофона.

— Если собираешься с первой минуты проверять Марка на чувство юмора, лучше придумай что-нибудь получше.

Динамик хрипнул, и через секунду раздался мужской голос. Ника представилась и сказала, что Илья приехал вместе с ней. На другом конце возникла небольшая пауза, после которой мужчина спросил, согласился ли он приехать сам.

Илья неожиданно почувствовал, что вопрос ему нравится. По крайней мере кто-то здесь интересовался не только тем, где находится бирка, но и тем, насколько добровольно её владелец оказался у двери.

— Сам, — ответила Ника. — После того как заехали к его другу.

Замок щёлкнул.

Внутри пахло влажной штукатуркой, бумагой и растворимым кофе. По узкой лестнице они спустились в полуподвал, где стены недавно покрасили в светло-серый цвет, хотя возле пола уже проступили тёмные пятна. На площадке стоял кулер с наполовину пустой бутылкой, возле батареи сушился сложенный зонт, а на подоконнике лежала пачка одноразовых стаканчиков, вскрытая настолько неаккуратно, будто коробку разрывали в спешке.

Вторая дверь открылась прежде, чем Ника успела постучать. Мужчине на пороге было около пятидесяти. Крупное тело тесно помещалось в тёмной рубашке, ворот которой был расстёгнут на две пуговицы. На переносице у него остался красный след от очков.

— Андрей, — представился он, протянув Илье руку.

Рукопожатие оказалось коротким и спокойным. После этого Андрей указал на ряд небольших металлических ячеек у стены и попросил оставить телефоны внутри. Илья не двинулся с места, пока не услышал объяснение: в помещениях хранятся чужие оригиналы документов, владельцы некоторых прямо запрещают фотографирование, поэтому правило действует для всех посетителей.

Ника положила телефон в ячейку первой, повернула ключ и протянула его Андрею. Илья сразу заметил движение.

— Ключи тоже забираете?

Андрей посмотрел сначала на Нику, затем снова на него.

— Только у тех, кто здесь бывает постоянно. У вас ключ останется.

— Почему у неё забираете?

Ника едва заметно поморщилась, однако Андрей ответил без колебаний:

— Потому что, когда ключ остаётся у Ники, она начинает проверять карман каждые две минуты. Через десять минут это мешает разговору больше, чем сам телефон.

— Такое было один раз, — возразила Ника, поправив рукав куртки.

Андрей смотрел на неё.

— Четыре.

Илья невольно усмехнулся, а Ника бросила на него взгляд, после которого он решил не помогать Андрею развивать тему. Телефон показывал пять процентов заряда и несколько пропущенных вызовов с неизвестных номеров. Илья быстро отключил звук, запер аппарат в соседней ячейке и демонстративно убрал ключ в карман джинсов. Андрей заметил жест, но комментировать не стал.

Офис оказался почти разочаровывающе обычным. Вдоль стен стояли шкафы с подписанными папками, возле принтера лежала открытая пачка бумаги, на пробковой доске висели график дежурств, напоминание о замене картриджа и лист с крупной надписью, предупреждавшей, что человек, закончивший кофе, обязан купить следующий. За матовым стеклом женщина спокойно разговаривала с кем-то о свидетельстве о браке, выданном в восьмидесятом году.

Илья шёл за Андреем по коридору и постепенно чувствовал себя всё глупее. Он по-прежнему ожидал увидеть хотя бы одну деталь, способную подтвердить невероятность того, о чём

рассказывала Ника: карты с отметками, странные символы, старые книги, непонятные приборы. Единственным предметом, который выбивался из привычной офисной обстановки, оказалась большая ручная точилка, прикрученная к краю стола. Под ней стояла прозрачная банка, почти доверху заполненная деревянной стружкой и серой графитовой пылью.

Ника сразу заметила, куда он смотрит.

— Здесь действительно много работают карандашами, — объяснила она. — Старые записи иногда приходится копировать вручную, особенно когда важно сохранить расположение строк, размер букв или нажим.

Илья подошёл ближе к банке и слегка наклонился, разглядывая серый осадок на дне.

— Конечно. Поэтому карандаши расходуются быстрее, чем бумага.

Андрей, уже дошедший до конца коридора, обернулся и сообщил совершенно серьёзным голосом, что банку меняли в понедельник. Илья не понял, шутит он или действительно считает эту информацию важной. Ника только пожала плечами и прошла дальше.

Комната ожидания ничем не отличалась от десятков подобных помещений: диван, два кресла, низкий стол с журналами, растение с толстыми запылёнными листьями на подоконнике и старый холодильник в углу. Андрей достал с полки аптечку и поставил её перед Ильёй, заметив, что повязка на колене успела съехать.

— Ника уже обработала, — сказал Илья, машинально положив ладонь на бинт.

Андрей наклонился, но прикасаться не стал.

— Я вижу. Только сейчас салфетка держится скорее на ткани брюк, чем на коже. Через полчаса повязка будет иметь исключительно декоративное значение.

Илья посмотрел вниз и убедился, что край бинта действительно сполз, но всё равно отказался заниматься раной прямо сейчас. Андрей не стал спорить. Он оставил аптечку на столе и уже собирался выйти, когда спросил, привёз ли Илья оригинал бирки.

Ника покачала головой.

— Нет, у него с собой только переписанная последовательность. Оригинал хранится отдельно.

Илья сразу поднял голову.

— Давайте всё-таки спрашивать у меня, когда речь идёт о моих вещах.

Ника повернулась к нему.

— Я не сказала, где она находится.

— Но обсуждаете так, будто я уже вышел.

В голосе прозвучало больше раздражения, чем он собирался показать. Андрей спокойно вернулся на полшага и переформулировал вопрос, обращаясь уже прямо к Илье: находится ли оригинал в месте, куда не могут попасть посторонние.

Илья вспомнил собственную квартиру, дверь которой при желании можно было открыть хорошим ударом плеча, и окно кухни, выходившее к пожарной лестнице.

— Смотря насколько посторонние будут стараться.

Андрей принял ответ без замечаний и спросил, знает ли кто-нибудь ещё о последовательности на бирке. Илья думал, прежде чем упомянуть Лёху: тот знал, что у него сохранились вещи из детдома, но саму бирку Илья ему никогда не показывал. Следующий вопрос о родственниках вызвал уже привычное неприятное ощущение — то самое, которое появлялось в больницах, банках и государственных кабинетах, когда люди неожиданно начинали говорить мягче.

— Нет у меня родственников.

Андрей не выразил ни сочувствия, ни неловкости.

— В данном случае это сокращает число людей, через которых можно выйти на оригинал. Илья нахмурился.

— Вы могли просто сказать «понятно».

— Мог, — согласился Андрей. — Но тогда это ничего бы вам не объяснило.
После этих слов он вышел и прикрыл дверь.

Илья проводил его взглядом, затем повернулся к Нике.

— Очень обаятельный человек.

Она села на край дивана и осторожно вытянула ноги.

— Андрей не занимается обаянием. Он отвечает за архив и за то, чтобы сюда не принесли или отсюда не вынесли то, чего не должны.

— А ты чем занимаешься?

Ника посмотрела на него внимательнее.

— В каком смысле?

— В прямом. Он отвечает за архив, Марк, судя по всему, руководит всем этим. А ты кто?

Ника провела пальцем по небольшой царапине на обивке дивана, будто ответ требовал большей точности, чем Илья ожидал.

— В основном я ищу и проверяю случаи, которые могут быть связаны с кодами. Наблюдаю, собираю сведения, иногда разговариваю с людьми, если Марк считает, что уже можно вмешиваться.

— То есть я был заданием?

Её палец остановился.

— Сначала — да. Мы не знали, действительно ли ты используешь последовательность или просто оказываешься рядом с большим количеством совпадений.

Ответ прозвучал честно, и это почему-то неприятно задело сильнее, чем уклончивость.

— Хорошо хоть не врешь.

Ника повернулась к нему всем корпусом.

— Если бы я хотела продолжать тебе врать, на парковке я бы просто подождала другую машину. После того как показала код, делать вид, что ничего не происходит, уже бессмысленно.

Илья вспомнил ворота и машинально потёр большим пальцем ладонь, словно на коже всё ещё мог оставаться графит.

— А потом что изменилось?

Ника смотрела на него, прежде чем ответить.

— Я поняла, что ты действительно пользуешься одной и той же последовательностью и почти ничего о ней не знаешь. Ты не отслеживаешь последствия, не понимаешь цену, не знаешь, когда заканчивается действие. Даже чек бережешь только потому, что думаешь, будто пока бумага цела, код продолжает работать. Чем дольше я наблюдала, тем меньше это было похоже на человека, который сознательно что-то скрывает, и тем больше — на человека, которому случайно достался инструмент без инструкции.

— До сегодняшнего дня отсутствие инструкции мне особенно не мешало.

Ника опустила глаза на его перевязанное колено, затем снова посмотрела в лицо.

— Вот это как раз и пугало больше всего.

Она не успела объяснить, что имеет в виду. Дверь открылась, и в комнату вошёл мужчина с тонкой папкой под мышкой.

Илья сразу понял, что перед ним Марк Воронцов, хотя никогда прежде его не видел. Он был старше Андрея, но выглядел легче и собраннее. Серые волосы коротко подстрижены, рукава светлой рубашки закатаны до локтей, а на лице лежали глубокие складки возле рта, какие появляются у людей, привыкших много слушать и редко перебивать. В нагрудном кармане находились два карандаша — обычный деревянный и механический.

Марк остановился у двери, быстро оценил обстановку и протянул Илье руку.

— Добрый вечер. Марк Воронцов. Извините, что пришлось подождать.

Илья поднялся, пожал ему руку и снова сел, стараясь не показывать, как неприятно отозвалось колено. Марк заметил движение, но не стал спрашивать о ране. Вместо этого положил папку на стол и обратился к Нике.

— Ты рассказала ему про старый случай?

Она сцепила пальцы на коленях.

— Только то, что ты видел похожую последовательность, которая начиналась с даты рождения. Я не рассказывала подробностей.

Марк коротко кивнул, после чего попросил Нику оставить их на несколько минут. Та заметно нахмурилась и уже собиралась возразить, когда Илья опередил её.

— Почему без неё? Потому что она у вас не очень высокого уровня?

Ника перевела взгляд на него, но Марк ответил спокойно, не делая вид, что вопрос его задел.

— Потому что она наблюдала за вами почти три месяца и уже успела составить своё мнение. Вы будете смотреть на её реакцию и пытаться понять, какие ответы она считает правильными, а она начнёт вспоминать то, что видела, и вмешиваться. Для первого разговора это только помешает. Что касается уровня, Ника с нами меньше двух лет и пока гораздо лучше находит необычные случаи, чем анализирует их.

Ника медленно повернула голову к Марку.

— Спасибо. Очень приятно услышать характеристику собственной работы при человеке, которого я только что привезла.

В уголках его губ появилась едва заметная улыбка.

— Ты сама несколько часов объясняла Илье, что не являешься главным специалистом. Я всего лишь подтвердил.

Ника поднялась. Перед выходом она задержалась возле кресла Ильи и посмотрела на него уже без раздражения.

— Я буду за дверью. Если Марк внезапно решит, что для анализа ему нужны твой паспорт, квартира и одна почка, сначала уточни, что именно он собирается вернуть.

Шутка прозвучала скорее как попытка скрыть собственное недовольство, чем как желание обязательно получить ответ. Илья только кивнул, а Марк дождался, пока дверь закроется.

— Теперь, думаю, вы понимаете, почему я попросил её выйти.

Илья чуть усмехнулся.

— Начинаю.

Марк сел в кресло напротив и некоторое время не открывал папку.

— Ника сказала, что вы хотите узнать о человеке, чей код тоже начинался с даты рождения.

Улыбка сразу исчезла с лица Ильи.

— Она сказала, что вы видели такую последовательность много лет назад.

— Не такую же, — уточнил Марк. — Похожий принцип построения. Это важная разница.

Он снял очки, висевшие на тонком шнурке под воротником, и некоторое время крутил их в руке, словно собираясь с мыслями.

— Мужчине было чуть больше сорока, когда мы познакомились. Он использовал одну последовательность несколько лет и был уверен, что она защищает его в опасных ситуациях. Дважды избежал серьёзных аварий, однажды вышел из здания незадолго до пожара, ещё несколько случаев выглядели менее очевидно. Первые шесть знаков совпадали с его датой рождения.

Илья невольно подался вперёд.

— Значит, работало.

— По его мнению — да. Я видел достаточно материалов, чтобы согласиться, что совпадений было слишком много, но точного механизма мы тогда не установили.

— А потом что произошло?

За стеной зазвонил телефон, и женщина из соседнего кабинета обычным деловым голосом назвала архивный центр. Марк дождался, пока её голос станет тише, и только потом продолжил.

— Через несколько месяцев после нашей последней встречи этот человек умер от внезапной остановки сердца. По доступным нам медицинским документам у него не было диагностированных сердечно-сосудистых заболеваний и жалоб, которые могли заранее указывать на такой исход.

Илья почувствовал, как внутри стало неприятно холодно.

— Код его убил?

Марк посмотрел на него прямо.

— Я не знаю.

— Очень удобный ответ.

— Наоборот. Было бы гораздо удобнее сказать вам «да» или «нет» и закончить разговор.

Причина смерти медицински реальна, люди действительно иногда умирают внезапно. У нас нет доказательства, что последовательность имела к этому отношение. Но после того случая я перестал считать коды, построенные вокруг даты рождения, просто необычной формой записи.

Илья откинулся на спинку кресла.

— И при этом вы хотите посмотреть мой.

— Именно потому и хочу.

Марк открыл папку и достал лист, на котором крупным почерком Ники была записана последовательность:

27049912

Он положил его между ними.

— На чеке вы всегда пишете именно так?

— Именно так.

— А на оригинальной бирке восемь цифр тоже выглядели одной записью?

Илья уже собирался автоматически ответить утвердительно, однако задержался. Он видел бирку сотни раз, но никогда не рассматривал её с точки зрения расположения знаков.

— Не уверен.

Марк сразу отодвинул лист.

— Хорошо. Это полезнее, чем уверенно вспомнить то, на что вы раньше не обращали внимания.

Он достал чистую бумагу и положил её перед Ильёй, рядом поставил стакан с несколькими заточенными карандашами.

— Нарисуйте форму бирки и обозначьте, где находились записи. Полную последовательность не пишите. Достаточно точек или коротких линий.

Илья посмотрел на карандаш.

— Почему нельзя просто переписать цифры? Я делал это сотни раз.

— Потому что раньше вы копировали только последовательность, а сейчас мы пытаемся воспроизвести оригинальное построение. Пока мы не знаем, имеет ли значение положение знаков на бумаге, нет необходимости создавать точную копию.

Марк подвинул карандаш деревянным концом вперёд, чтобы остриё не коснулось листа.

— Вы много раз записывали код на чеках, поэтому обычная копия, судя по всему, безопасна. Но я предпочитаю не превращать предположение в правило только потому, что до сих пор вам везло.

Илья взял карандаш и некоторое время вертел его между пальцами.

— Вы всегда разговариваете так, будто боитесь сказать что-то точно?

Марк чуть поднял брови.

— Я боюсь не этого. Я стараюсь не выдавать уверенность за знание. Здесь такая ошибка иногда обходится дороже, чем признание, что ответа пока нет.

Фраза прозвучала не как наставление, а как правило, которому мужчина действительно следовал много лет. Илья не стал спорить. Он нарисовал узкий прямоугольник, обозначив бирку, затем отверстие для верёвочки и несколько коротких линий там, где помнил печатный текст.

— Примерно так. Она длинная, узкая. Бумага уже пожелтела, но надписи видно.

— Где находилась дата?

Илья поставил шесть небольших точек и остановился.

В памяти всплыла старая бумага, лежавшая у него в ладони, тонкая верёвка и выцветшая печать. Чем дольше он пытался удержать изображение, тем отчётливее становилась одна деталь, которой прежде не придавал значения.

— Между датой и последними двумя цифрами был промежуток.

Он отступил карандашом немного вправо и добавил ещё две точки.

Марк наклонился ближе.

— Насколько большой?

— Примерно такой. Может быть, чуть меньше.

— Последние знаки выглядели так же?

Илья снова задумался и неожиданно для себя покачал головой.

— Нет. Они были темнее. Или сильнее продавлены. Я не уверен, в чём именно разница, но дата выглядела аккуратнее, а единица с двойкой — грубее.

Марк надел очки.

— Размер отличался?

— Последние чуть крупнее.

— Почерк?

Илья посмотрел на него с раздражением.

— Я не специалист по почерку.

— Я и не прошу заключение. Только впечатление человека, который видел вещь много раз.

Илья снова закрыл глаза, стараясь вспомнить бирку, а не собственный рисунок.

— Может быть, другой. Но здесь я уже не уверен. Может, просто сейчас начинаю видеть то, что вы хотите найти.

Марк поднял голову. Его лицо заметно смягчилось.

— Это хороший ответ. Именно поэтому оригинал важнее воспоминаний.

Он положил рядом лист Ники с восемью цифрами и схему Ильи. На одной бумаге последовательность выглядела цельной, на другой между шестой и седьмой позициями оставалось небольшое пустое пространство.

Илья смотрел на него и впервые замечал этот промежуток по-настоящему.

— Чек показывает то, что вы запомнили и привыкли повторять, — объяснил Марк. — За восемь лет вы превратили отдельные элементы в одну строку. Оригинал может показать совсем другое: разные карандаши, разный нажим, разные почерки или разное время нанесения.

— Тогда дата вообще может не быть частью кода?

— Она может быть частью конструкции, не являясь самой командой.

Марк указал деревянным концом карандаша на первые шесть точек.

— Представьте обычный адрес. Он не является содержанием письма, но без него письмо не попадёт к нужному человеку. Дата рождения может работать похожим образом — как привязка к конкретному человеку или событию.

Илья перевёл взгляд на последние две точки.

— Получается, единица может быть самым действием.

— Возможно.

— А двойка — цена.

— С учётом того, что мы знаем о других последовательностях, это наиболее вероятно.

Илья тихо усмехнулся.

— Наконец-то не «возможно».

Марк оставил замечание без ответа.

— Именно поэтому мне нужен оригинал. Не фотография, не копия и не ещё один чек. Бумага после запуска действительно не поддерживает действие, Ника сказала вам правильно. Но мы сейчас пытаемся понять не то, как сохранить уже работающий код, а то, как он был создан.

Илья провёл пальцем рядом с двумя последними точками, не касаясь их.

— Вы хотите понять, кто их написал.

— В том числе.

Эти слова заставили его задержать руку.

До сегодняшнего вечера происхождение последовательности почти не интересовало Илью. Воспитательница перед выпуском отдала вещь из роддома, сказала, что её сохранили вместе с его документами, и посоветовала беречь. Он увидел цифры, однажды переписал их в отчаянной ситуации и получил результат. На этом вопросы закончились. Последовательность стала таким же привычным инструментом, как ключ от квартиры или номер телефона Лёхи.

Теперь впервые за восемь лет за цифрами возник человек.

Кто-то держал эту бирку в руках, взял карандаш и добавил к дате две цифры. Возможно, стоя возле кровати в роддоме. Возможно, когда Илья был ещё младенцем и сам даже не имел имени, которое мог бы помнить.

— Почему именно бирка? — спросил он уже без прежней иронии.

Марк смотрел на рисунок.

— Это один из вопросов, которые меня интересуют больше всего. Роддомная бирка появляется в момент, когда у человека почти нет других документов. Есть ребёнок, дата, место рождения, медицинские записи. Если дополнительные знаки появились там намеренно, выбор носителя мог быть частью построения, а не случайностью.

— То есть код привязан ко мне?

Марк помолчал.

— Возможно, к вам. Возможно, к самому моменту вашего рождения. Это не совсем одно и то же. Но пока я не увижу оригинал, всё остальное будет гаданием.

За стеной закипел электрический чайник, кто-то прошёл по коридору и начал долго перебирать папки в шкафу. Обычные звуки офиса делали разговор ещё более странным: Илья сидел в комнате, где наверху обсуждали потерянные свидетельства о браке, и слушал, как седой мужчина объясняет, что дата его рождения может быть адресом для изменения вероятности.

Он посмотрел на лист с 27049912.

— А тот мужчина, который умер... У него тоже была роддомная бирка?

Марк помолчал.

— Я не видел его оригинального роддомного документа. Только копии последовательности и несколько более поздних записей. Поэтому сказать, был ли механизм полностью таким же, не могу.

— Но дата стояла первой.

— Да.

— И после нескольких лет использования он умер без проблем с сердцем.

Марк встретил его взгляд.

— Да. Именно поэтому я не предлагаю вам продолжать пользоваться собственной последовательностью так, будто мы уже знаем цену каждого применения.

Илья отодвинулся от стола.

— Тогда чего вы вообще от меня хотите?

Марк закрыл папку, оставив рисунок бирки между ними.

— Временно сотрудничать. Никакого вступления в организацию, обязательств на всю жизнь и обещаний верить всему, что мы говорим. Вы показываете оригинал в своём присутствии, мы пытаемся установить, как именно он был создан. Вы, насколько я понимаю, хотите узнать, кто оставил вам этот код и почему.

Илья не сразу ответил. Формулировка оказалась слишком простой и слишком близкой к тому, о чём он сам начал думать только несколько минут назад.

— Бирка останется у меня.

— Разумеется.

— Не здесь, не в архиве и не «на пару дней для анализа».

— Она останется у вас.

— И Ника будет присутствовать.

Марк задумался лишь на мгновение, после чего кивнул.

— Если так вам будет спокойнее, пусть присутствует.

Илья хотел автоматически возразить, что дело вовсе не в спокойствии, но не стал. Вместо этого постучал пальцами по подлокотнику.

— А кроме бирки?

— Пока только осторожность. По возможности не используйте последовательность, пока мы не понимаем её устройство. Если всё же придётся, обращайтесь внимание не только на то, чего хотели добиться, но и на последствия после записи. Головная боль, проблемы с концентрацией, мелкие поломки, чужие неприятности, совпадения, которые раньше вы бы никак не связали с кодом.

Илья вспомнил порванный рюкзак, разбитое колено и десятки мелких эпизодов за последние годы. До сих пор он всегда следил только за тем моментом, когда начинало везти. Всё, что случалось позже, воспринималось как обычная жизнь.

— Ника уже говорила про давление вероятности.

— Значит, хотя бы часть разговора сегодня можно сократить.

Марк произнёс это совершенно серьёзно, но Илья впервые подумал, что чувство юмора у него, возможно, всё-таки есть.

— А те люди, которые меня ищут?

Вопрос вырвался неожиданно даже для самого Ильи. Марк немного изменился: не напрягся и не отвёл взгляд, но в его лице исчезла мягкая сосредоточенность исследователя.

— Именно поэтому я бы не затягивал с осмотром бирки.

Илья заметил перемену сразу.

— Значит, вы тоже считаете, что Ника права?

— Я считаю, что существует интерес к необычным последовательностям и людям, которые ими пользуются. Вы применяли один и тот же код много лет, не пытаясь скрывать сами последствия. Для обычного человека это выглядит как везение. Для того, кто знает, что искать, повторяющиеся маловероятные события могут быть заметнее любой бумажки.

Илья вспомнил, что Ника наблюдала за ним три месяца. Этот факт внезапно стал лучшим подтверждением слов Марка.

— Вы знаете, кто конкретно меня ищет?

— Нет.

Ответ прозвучал сразу, без попытки смягчить незнание.

— Тогда почему вообще решили, что интерес связан со мной?

Марк смотрел на него, словно определяя границу между необходимой информацией и тем, что пока рано превращать в очередную причину для паники.

— За последние месяцы через посредников несколько раз запрашивали архивные сведения о детях, родившихся в вашу дату и оставшихся без родителей. Старые записи роддомов, органов опеки, детских учреждений. Пока я не могу доказать, что эти запросы делались именно из-за вас, но совпадение достаточно серьёзное, чтобы его проверять.

Илья медленно выпрямился.

— Кто заказывал?

— Мы этого пока не установили. И именно поэтому я хочу сначала понять, что находится на вашей бирке.

Илья молчал, а затем поднялся и прошёл к окну. Колено сразу напомнило о себе, но сидеть внезапно стало тяжелее. На подоконнике стояла забытая кружка с засохшим кофейным следом, в батарее негромко журчала вода, а за жалюзи двигались тени прохожих.

Несколько часов назад его самой большой проблемой была полиция. Он думал о золоте, о камерах, о том, успеет ли скрыться и когда сможет забрать сумку у Лёхи. Теперь незнакомые люди искали архивные сведения о детях, родившихся вместе с ним в один день, Ника открывала ворота последовательностью, а человек из маленького архивного центра объяснял, что старую роддомную бирку, которую Илья годами держал среди ненужных документов, кто-то мог использовать как привязку к его жизни.

Он повернулся к Марку.

— Если я покажу оригинал, вы сможете сказать, кто написал последние цифры?

Марк тоже поднялся.

— Не обещаю. Но мы сможем определить, отличаются ли они от основной записи, попробовать понять, нанесены ли позже, посмотреть оборот, продавленные следы, графит. Если появится основание, установим роддом и попробуем найти людей, которые работали там в день вашего рождения.

— А если окажется, что писали два разных человека?

— Это будет гораздо важнее, чем если всё заполнял один сотрудник.

Илья смотрел на закрытую папку, после чего выдохнул.

— Хорошо. Едем за биркой.

Марк не стал пожимать ему руку или изображать удовлетворение от удачно проведённых переговоров. Он просто открыл дверь и позвал Нику.

Она сидела в общей комнате за столом. Перед ней стоял бумажный стаканчик с водой, рядом лежала раскрытая тетрадь, но страница оставалась пустой. Когда дверь открылась, Ника сразу подняла голову и внимательно посмотрела на Илью, пытаясь по выражению лица понять результат разговора.

— Ну? — спросила она и, заметив выражение Ильи, тут же добавила: — Вы хотя бы не поспорились окончательно?

Илья прислонился плечом к дверному косяку.

— Он убедил меня показать бирку. Она остаётся у меня, смотреть будете при мне, и ты тоже присутствуешь.

Ника перевела взгляд на Марка. Тот коротко кивнул, подтверждая условия.

— По-моему, это разумно, — сказала она, и заметное облегчение на её лице исчезло почти сразу, как только она почувствовала, что Илья его заметил. — Тогда можно ехать сейчас, пока ты ещё способен вспомнить, куда её положил после последнего переезда.

— Я прекрасно знаю, где она лежит.

— Хорошо. Значит, хотя бы квартиру переворачивать не придётся.

Марк подошёл к столу, забрал папку и уже собирался вернуться в кабинет, но задержал Нику.

— Когда подъедете, сначала посмотрите на двор и подъезд. Без попыток изображать наружное наблюдение. Если дверь вскрыта, окно открыто, хотя Илья уверен, что закрывал его, или кто-то явно ждёт возле дома, внутрь не заходите.

Илья повернулся к нему.

— Почему вы говорите так, будто действительно допускаете, что кто-то уже знает про бирку?

Марк убрал папку под мышку.

— Я допускаю, что человек, который понимает значение таких последовательностей, может искать не только вас. Если архивные запросы действительно связаны с вашим кодом, следующим логичным объектом интереса становятся вещи, сохранившиеся с рождения. Я не утверждаю, что кто-то уже нашёл вашу квартиру, но игнорировать такую возможность было бы глупо.

Объяснение не звучало как попытка нагнать страх, и именно поэтому Илья воспринял его серьёзнее.

Андрей вернулся к ячейкам вместе с ними. Илья забрал телефон, экран которого сразу загорелся уведомлениями и неизвестными номерами, но читать ничего не стал. Ника надела куртку, коротко попрощалась с Марком и первой начала подниматься вверх.

За время разговора стало заметно холоднее. Пекарня уже закрылась, вывеска над входом погасла, а мокрый асфальт отражал редкие фары и жёлтый свет фонарей. Где-то в соседнем дворе надрывно лаяла собака, из окна второго этажа доносился приглушённый телевизор.

Илья и Ника шли молча. Только когда показались гаражи и тёмно-синяя «Шкода», она повернулась к нему.

— Ну что, Марк оказался настолько страшным, как ты ожидал?

Илья сунул руки в карманы куртки и посмотрел на машину.

— Нет. Это хуже.

Ника немного замедлила шаг.

— Почему?

Он усмехнулся, вспоминая спокойный голос Марка, его постоянные «возможно» и рисунок бирки с неожиданным промежутком после шестой точки.

— Потому что он говорит разумные вещи. Когда человек несёт бред, его хотя бы легко послать.

Ника на мгновение улыбнулась.

— С этим у Марка действительно проблема. Он очень неудобный человек для тех, кто заранее решил ему не верить.

Они подошли к машине. Ника разблокировала двери, но Илья стоял возле пассажирского места, вспоминая старую бирку. До сегодняшнего вечера она была для него всего лишь одной из немногих вещей, сохранившихся от самого начала жизни: пожелтевшая полоска бумаги, дата рождения, несколько непонятных цифр и странная удача, которой он пользовался восемь лет.

Теперь между шестой и седьмой цифрой появилось маленькое пустое пространство, которого раньше словно не существовало. Вместе с этим промежутком появился и человек по другую сторону бумаги — тот, кто когда-то держал бирку в руках и зачем-то дописал рядом с датой две цифры.

Илья сел в машину, осторожно вытянул больную ногу и закрыл дверь. Ника завела двигатель, включила поворотник и вывела «Шкоду» из двора.

Они поехали за оригиналом.

Глава 4. Наблюдатель

Чёрный Mercedes-Benz G-Class стоял через дорогу от ломбарда уже почти полчаса и за это время успел привлечь ровно столько внимания, сколько Антон Лебедев предпочёл бы не привлекать вовсе.

Машина была слишком дорогой для этой улицы, слишком чистой после недавнего дождя и вообще выглядела здесь так, будто водитель случайно свернул с большого проспекта, обнаружил вокруг старые пятиэтажки, продуктовые лавки и тротуар, который лет двадцать латали асфальтом разных оттенков, но из принципа отказался признать, что попал не туда. Слева к «Мерседесу» почти вплотную притулилась потрёпанная «Газель» с помятым задним бампером, справа стояла старая «Тойота», давно потерявшая один колпак, и на их фоне чёрный кузов поблёскивал под фонарями с почти неприличной аккуратностью.

Антон ещё днём говорил, что для наблюдения стоило взять что-нибудь попроще. Серую «Киа», белый служебный седан, старый кроссовер — любую машину, на которую человек посмотрит один раз и через минуту уже не сумеет вспомнить ни марку, ни цвет. Однако свободным оказался только «Гелик», а спорить из-за автомобиля с человеком, передавшим распоряжение Виктора, Антон не стал.

У самого Виктора на этот счёт существовала теория: слишком старательно прячется обычно тот, кому действительно есть чего бояться. Антон подозревал, что рассуждать подобным образом гораздо удобнее человеку, который сам почти никогда не проводит по три часа на водительском сиденье, изображая владельца дорогого внедорожника, зачем-то припарковавшегося напротив ломбарда в чужом районе.

Он немного опустил боковое стекло. Вместе с прохладным воздухом в салон проник запах мокрого асфальта, автомобильных выхлопов и горячего теста из маленькой пекарни на углу. Над входом в «Золотой резерв» неровно горела жёлтая вывеска, одна из букв периодически гасла, и тогда название на несколько секунд превращалось в бессмысленное слово. Продавец из овощной лавки по соседству начинал затаскивать внутрь пластиковые ящики, у остановки собирались люди, возвращавшиеся с работы, а прохожие спешили по своим делам, почти не обращая внимания на молодого мужчину, который несколько минут назад вошёл в ломбард.

Антон как раз и наблюдал за ним.

Илью он узнал сразу, хотя фотография, присланная утром, была сделана почти два года назад. На снимке тот выглядел моложе, был коротко подстрижен и небрит, под левым глазом темнел синяк, а выражение лица выдавало человека, которого фотографировали не по собственной воле. К снимку прилагалась небольшая карточка с именем, несколькими старыми адресами, сведениями из детского учреждения и датой рождения — двадцать седьмое апреля девяносто девятого года.

За последние месяцы Антон видел эту дату столько раз, что перестал воспринимать её как часть чьей-то биографии. Сначала ему поручали проверять старые архивные запросы, затем появились роддома, опекунские дела, детские учреждения и люди, в первые годы жизни оставшиеся без родителей. Большую часть этой работы делал не Антон, и он даже не знал, сколько человек было задействовано параллельно: ему обычно передавали уже готовую фамилию, фотографию и адрес, после чего несколько дней требовалось наблюдать, не вступая в контакт.

Илья был далеко не первым кандидатом. До него Антон лично проверил четверых, и спустя некоторое время они начали смешиваться в памяти в одну скучную вереницу чужих жизней. Бухгалтер строительной фирмы каждый вечер возвращался к жене и двум дочерям. Женщина, работавшая администратором стоматологии, по средам занималась йогой и дважды за время наблюдения покупала в одном и том же магазине кошачий корм. Ещё один мужчина

водил грузовик, другой по выходным тренировал подростковую футбольную команду. Их объединяли дата рождения, отсутствие родителей в раннем детстве и ещё несколько признаков, о которых Антону не сообщили.

Ничего необычного вокруг них не происходило, и Илья до сегодняшнего вечера тоже выглядел очередной пустой проверкой. Несколько мелких неприятностей с законом, нестабильные заработки, знакомые, которые вряд ли понравились бы участковому, — подобных биографий в городе хватало.

Станным оставалось само поручение Виктора. Перед началом наблюдения он попросил внимательно следить за руками Ильи и отдельно предупредил: если тот достанет бумагу и начнёт что-нибудь писать, нужно постараться увидеть не только запись, но и то, чем она сделана. Особенно Виктора интересовал обычный графитовый карандаш.

Именно эта деталь сначала показалась Антону самой нелепой, хотя пропустить её было бы трудно. Люди уже почти не носили с собой даже шариковых ручек: номера сразу сохраняли в телефоне, списки покупок набирали там же, адреса пересылали сообщением, а необходимость что-то написать рукой обычно возникала только там, где лежащую на стойке ручку заранее приготовил кто-то другой. Карандаш на этом фоне казался почти музейной вещью. Его требовалось точить, грифель легко ломался в кармане, древесина трескалась, а обычному взрослому человеку, не занятому черчением или рисованием, почти незачем было постоянно таскать его с собой.

Поэтому, если бы один из людей из списка действительно достал посреди города графитовый карандаш, Антон заметил бы его наверняка. Вопрос заключался лишь в том, почему Виктор считал эту вещь настолько важной.

Через витрину ломбарда Илью удавалось видеть лишь урывками. Яркий свет внутри должен был помогать, но стекло собирало отражения фонарей, автомобилей и прохожих, отчего временами казалось, будто улица продолжается прямо среди витрин с кольцами и цепочками. Илья несколько раз появлялся возле стойки, исчезал за широкоплечим охранником, а потом снова оказался у стеклянного прилавка и наклонился над чем-то, что лежало перед ним.

Антон взял телефон, включил камеру и приблизил изображение.

Качество сразу стало хуже, однако кое-что всё-таки удалось разобрать: перед Ильёй находился небольшой светлый прямоугольник, похожий на кассовый чек, а правая рука несколько секунд двигалась над ним короткими аккуратными движениями. Между пальцами был зажат какой-то предмет, но отражение улицы проходило прямо через кисть, а после ещё одного увеличения изображение рассыпалось настолько, что карандаш от ручки уже не отличил бы никто.

Антон машинально подался ближе к лобовому стеклу, словно лишние двадцать сантиметров могли помочь камере увидеть то, чего она не видела через улицу. За несколько месяцев наблюдений это был первый случай, когда один из людей Виктора действительно делал то, о чём Антона заранее предупреждали, и оттого совершенно обыденное движение руки внезапно показалось важнее всего остального, происходившего в ломбарде.

Он сохранил запись, но отправлять её Виктору пока не стал. Светлый кусок бумаги и неизвестный предмет в руке ещё ничего не доказывали, а Антон слишком давно занимался подобной работой, чтобы сообщать начальству собственные догадки под видом фактов.

Через несколько минут свет внутри ломбарда дрогнул, одна из ламп погасла, за стеклом началось движение, а вскоре завывла пожарная сигнализация. Улица отреагировала быстро: продавец соседнего магазина вышел на тротуар, женщина с пакетами остановилась и достала телефон, ещё несколько прохожих повернули головы в сторону входа. Антон ждал, что Илья появится вместе со всеми, однако наружу выбежала женщина, за ней показались другие люди, а тот, ради кого Антон провёл здесь почти полчаса, так и не вышел.

Патрульная машина приехала настолько быстро, что экипаж, скорее всего, находился неподалёку ещё до вызова. Один полицейский задержался возле женщины у входа, второй

почти сразу скрылся внутри, и только через некоторое время Антон заметил его уже сбоку от здания: мужчина быстрым шагом пересёк часть двора и исчез за домом.

Только тогда Антон сообразил, что всё это время следил не за тем выходом.

Он уже собирался объехать квартал, однако почти сразу отказался от этой идеи. За ломбардом начинались старые дворы, соединённые арками, узкими проездами и пешеходными проходами. Человек на своих двоих мог срезать путь там, куда автомобиль просто не проедет, а появление чёрного G-Class в таком лабиринте заметили бы жильцы половины района.

Если Илью он уже потерял, разумнее было держаться тех, кто хотя бы получал информацию о его перемещениях по рации. Антон завёл двигатель, но выехал с места только тогда, когда неподалёку появилась ещё одна патрульная машина. Она остановилась возле арки, ведущей во внутренний двор, пассажир почти сразу выскочил наружу и побежал между домами, а водитель несколько минут оставался на месте, прислушиваясь к переговорам по рации.

Самого Илью Антон не видел ни разу. Зато спустя некоторое время патрульная машина резко тронулась, прошла перекрёсток и направилась в сторону железнодорожной улицы, а над крышами гаражей уже мигали красные сигнальные огни переезда. Этого оказалось достаточно, чтобы Антон понял дальнейшую логику беглеца: старый квартал упирался в железную дорогу, за которой начинался ещё один массив пятиэтажек с проходными подъездами, арками и десятками мест, где человек, добравшийся туда первым, мог исчезнуть за считанные минуты.

Антон выждал несколько секунд и поехал за полицейскими, не пытаясь сокращать расстояние.

Когда он добрался до переезда, шлагбаумы уже лежали поперёк дороги, а перед ними собралась небольшая очередь. Патрульная машина остановилась ближе к началу, поэтому «Мерседесу» пришлось встать значительно дальше, почти у обочины. Высокая посадка позволяла смотреть поверх крыш, хотя происходящее возле пешеходного прохода всё равно просматривалось не полностью.

Илью Антон заметил у решётчатой калитки. Серый рюкзак оставался на плече, сам он тяжело дышал и держался обеими руками за металлическую ручку. Сзади приближался полицейский, а возле небольшой будки стояла пожилая дежурная в форменной фуражке и что-то кричала беглецу, время от времени поднимая переносную рацию. Где-то слева уже слышался протяжный гудок поезда, и при таком расположении сил ситуация выглядела для Ильи почти безнадежной: высокий забор тянулся вдоль путей в обе стороны, проход был заблокирован, а полицейский двигался уже без прежней спешки.

Антон опустил окно полностью.

До Ильи оставалось всего несколько шагов, когда створка калитки неожиданно подалась. С того места, где стоял «Мерседес», нельзя было различить ни кнопки на панели, ни индикатор замка, поэтому первое объяснение возникло само собой: дежурная разблокировала проход, возможно, опасаясь, что загнанный человек попытается перелезть через ограждение.

Через секунду стало понятно, что сама женщина объясняет случившееся как-то иначе. Она резко повернулась к пульта, затем посмотрела на полицейского и начала что-то говорить ему, одновременно показывая рукой на панель управления. Мужчина остановился перед уже захлопнувшейся калиткой, несколько раз дернул ручку и что-то крикнул в сторону будки. В ответ дежурная отрицательно покачала головой, а потом снова посмотрела на пульт с выражением человека, который ждёт объяснения уже не от окружающих, а от самой техники.

Антон не слышал ни слова, но растерянность обоих была понятнее любого разговора.

Пока полицейский пытался разобраться с первой калиткой, Илья уже пересекал пути. Антон распахнул дверь «Мерседеса» и вышел наружу: оставаться в салоне было разумнее, однако через лобовое стекло слишком многое перекрывали автомобили, а происходящее всё меньше напоминало обычную погоню.

Локомотив приближался слева, его прожектор становился всё ярче, а протяжный гудок накрыл переезд так, что несколько водителей высунули головы из окон. Илья уже добрался примерно до середины, когда внезапно упал на одно колено и резко дёрнулся назад. Только присмотревшись, Антон понял, что рюкзак за что-то зацепился.

Илья пытался освободить сумку, после чего начал снимать лямки, явно решив оставить добычу на путях. При других обстоятельствах Антон, вероятно, даже усмехнулся бы тому, насколько закономерно закончилась история человека, который сначала рискнул свободой ради чужого золота, а теперь вынужден был признать, что жизнь всё-таки стоит дороже.

Однако рюкзак неожиданно освободился как раз тогда, когда Илья уже начал его бросать.

С такого расстояния невозможно было понять, что именно случилось: могла порваться ткань, мог вылететь болт или сам Илья последним рывком нашёл удачный угол. Любое из этих объяснений Антон без колебаний принял бы час назад. Теперь же в голове упрямо стояла открывшаяся перед полицейским калитка, а следом вспоминалась рука, двигавшаяся над кассовым чеком.

Илья подхватил рюкзак и бросился к противоположной стороне. Там его остановила вторая решётчатая калитка, и несколько попыток открыть её ничего не дали. Дежурная теперь что-то кричала через наружный громкоговоритель, по всей видимости требуя отойти от путей и прижаться к ограждению, однако Илья продолжал держаться за ручку, словно либо не слышал её, либо рассчитывал на совершенно иной исход.

Поезд был уже настолько близко, что грохот колёс начал сливаться с вибрацией под ногами. Полицейский на ближней стороне тоже смотрел на происходящее через решётку, удерживая рацию возле лица, но, кажется, перестав в неё говорить.

Когда локомотив почти вошёл на переезд, вторая калитка неожиданно открылась, позволив Илье выскочить на другую сторону буквально в последние секунды.

Антон первым делом посмотрел на женщину у будки. Дежурная застыла с опущенной рацией и несколько секунд смотрела через пути на вторую дверь, после чего повернулась к полицейскому. Тот сделал то же самое. Между ними было слишком большое расстояние, шум всё равно не позволил бы разговаривать, но одинаковое выражение на их лицах не оставляло сомнений: ни один не понимал, почему система дважды пропустила Илью именно тогда, когда должна была держать проход закрытым.

Спустя несколько секунд локомотив вошёл между ними и закрыл дальнюю сторону сплошной металлической стеной.

Антон вернулся в машину, однако некоторое время не закрывал дверь. От проходящего состава дрожал асфальт, поток воздуха шевелил край куртки, а металлический грохот мешал сосредоточиться. За годы работы он привык относиться к свидетельским воспоминаниям с недоверием: люди плохо запоминали неожиданное, переставляли события местами, добавляли несуществующие подробности, а после нескольких пересказов начинали искренне верить в собственную новую версию.

На этот раз очевидцем оказался он сам, и это только усложняло задачу.

Первая калитка открылась в тот момент, когда полицейскому оставалось несколько шагов до Ильи. Застывший рюкзак освободился после того, как тот уже приготовился его бросить. Вторая дверь пропустила беглеца непосредственно перед появлением локомотива. Для каждого события существовало вполне земное объяснение, но Антон никак не мог отделаться от ощущения, что, собранные вместе, они перестают выглядеть обычной цепочкой удачных случайностей.

К этому добавлялась деталь, о которой никто на переезде не знал: несколькими минутами раньше Илья что-то писал на маленьком светлом листке, а Виктор почему-то заранее велел обратить внимание именно на графитовый карандаш.

До сегодняшнего вечера Антон считал все эти поиски частью какой-нибудь старой семейной истории, возможно связанной с наследством или документами, которые Виктор по своим причинам предпочитал не обсуждать с исполнителями. Теперь прежняя версия казалась слишком простой.

Поезд продолжал проходить, отрезая Илью от полиции, и Антон время от времени ловил взглядом дальнюю сторону через короткие промежутки между вагонами. Картина появлялась фрагментами: мокрая дорога, закрытый магазин, фонарь, часть тротуара. В одном таком просвете он заметил Илью, а чуть позже разглядел тёмную легковую машину, стоявшую немного в стороне от переезда.

Антон наклонился к лобовому стеклу, стараясь запомнить хотя бы форму кузова. Когда между вагонами снова появился узкий просвет, пассажирская дверь автомобиля уже была распахнута, а спустя ещё несколько секунд Илья оказался рядом, забрался внутрь вместе с рюкзаком и сел. Кто находился за рулём, рассмотреть не удалось. Антону лишь показалось, что водитель — женщина, однако расстояние было слишком большим, чтобы доверять такому впечатлению.

Машина начала движение почти сразу и исчезла прежде, чем прошёл последний вагон.

Когда переезд наконец освободился, полицейский дождался разблокировки калитки и побежал через пути, а патрульная машина впереди тоже пришла в движение. Антон не стал даже пытаться объехать очередь: если сотрудники, находившиеся от Ильи в нескольких десятках метров, не успели увидеть, куда ушла машина, человеку, наблюдавшему за происходящим через проходящий поезд, тем более нечего было изображать погоню.

Он закрыл окно, достал телефон и снова открыл фотографию Ильи.

Двадцать седьмое апреля девяносто девятого года.

За последние месяцы дата успела превратиться для Антона в техническое условие поиска, заставлявшее одного за другим проверять людей, которые жили совершенно обычными жизнями и понятия не имели, почему ими заинтересовался незнакомый богатый человек. До сегодняшнего вечера Антон не знал, чего именно Виктор ждёт от одного из них, и временами подозревал, что сам Виктор располагает лишь обрывками какой-то старой информации.

Теперь впервые появилось ощущение, что поиски всё-таки имели смысл. Из всех людей, за которыми Антон успел наблюдать, только Илья сделал нечто настолько близкое к тому, о чём его заранее предупреждали, а следом вокруг него сложилась цепочка совпадений, каждое из которых оказывалось выгодно одному и тому же человеку.

Антон ещё раз посмотрел на фотографию, затем открыл переписку с Виктором и набрал: Кажется, нашли того, кого искали. Я еду к вам.

Ответ появился меньше чем через минуту.

Приезжайте.

Глава 5. Подтверждение

Деловой район начинался примерно за два километра до центра, и приближение к нему лучше любых указателей выдавало то, как постепенно менялся город. Старые жилые дома отступали от дороги, первые этажи занимали банки, рестораны и офисы международных компаний, вывески становились меньше и дороже, а широкие тротуары даже поздним вечером оставались достаточно людными. Здесь почти не было балконов с сохнувшим бельём, стихийных киосков и машин, поставленных двумя колёсами на бордюр. Вместо них появлялись стекло, светлый камень, ровные ряды деревьев в бетонных кадках и охранники у входов, которые умели смотреть на прохожих так, будто уже знают, в какое именно здание тем входить не следует.

Башня, в которой находился офис Виктора Ларина, стояла в центре этого квартала и была одной из самых высоких в городе. Днём её стеклянный фасад отражал небо и соседние здания, а вечером этажи постепенно темнели снизу вверх, пока ближе к десяти часам большая часть огромной стены не превращалась в чёрное зеркало с редкими прямоугольниками света.

Верхние этажи обычно гасли последними.

По дороге Антон остановился на заправке, потому что пустой желудок уже несколько часов напоминал о себе неприятной тяжестью. За весь день он успел выпить две чашки кофе и съесть половину сэндвича ещё до обеда, после чего сначала появились документы, потом наблюдение возле ломбарда, а затем переезд, который окончательно вытеснил из головы мысли о еде.

Нормальный ужин потребовал бы хотя бы двадцать минут, поэтому Антон купил шоколадный батончик и бутылку воды, разорвал упаковку ещё в машине и успел съесть половину, пока двигался к центру. Сладость немного приглушила голод, но батончик закончить он не успел: впереди показался въезд в подземную парковку, пришлось убрать еду обратно в упаковку, достать пропуск и открыть окно для охранника.

Охранники уже успели запомнить Антона по нескольким предыдущим визитам, однако документы всё равно проверили. Это было похоже на Виктора: он не любил демонстративной охраны, крупных мужчин возле дверей и людей с проводами в ушах, всем видом сообщавших окружающим, насколько важен их хозяин, зато однажды установленное правило выполнялось независимо от того, насколько бессмысленным оно казалось в конкретный момент.

Лифт поднял Антона на последний этаж почти бесшумно.

После девяти здание пустело настолько, что собственные шаги в коридоре казались громче обычного. За стеклянной перегородкой секретарской уже никого не было, на низком столике лежала аккуратная стопка деловых журналов, а из окна в конце коридора открывался вид на город, от которого люди, впервые попавшие сюда, обычно невольно замедляли шаг.

После нескольких визитов Антон уже не задерживался у окна.

Дверь кабинета Виктора была открыта.

Сам Виктор сидел не за основным рабочим столом, а у длинной лакированной столешницы возле окон и просматривал документы. Пиджак висел на спинке соседнего кресла, рукава белой рубашки были аккуратно закатаны до локтей, а рядом с раскрытой папкой стояла чашка кофе, забытая настолько давно, что на поверхности успела появиться тонкая плёнка.

На первый взгляд в Викторе вообще не было ничего, что объясняло бы осторожность людей вокруг. Мужчина немного за пятьдесят, коротко подстриженные волосы с заметной сединой, дорогие, но не бросающиеся в глаза часы и привычка дочитывать документ до конца, даже если посетитель уже вошёл в кабинет.

Антон остановился у стола и подождал.

Виктор дочитал строку, спокойно положил лист поверх остальных и только после этого поднял глаза. Подушечкой указательного пальца правой руки он медленно растирал большой палец возле ногтя — движение настолько небольшое, что человек, встретившийся с ним впервые, вряд ли обратил бы внимание.

— Вы написали, что мы нашли нужного человека, — произнёс Виктор и кивнул на кресло напротив. Его голос звучал спокойно, однако взгляд уже не возвращался к документам. — Я так понимаю, дело не только в том, что он решил ограбить ломбард. Расскажите с самого начала, пожалуйста, и лучше в том порядке, в котором всё происходило.

Антон сел и достал телефон. Вместе с ним из внутреннего кармана показался край упаковки от батончика, а желудок, словно только этого и ждал, снова напомнил о себе.

— Виктор Сергеевич, я сначала извинюсь за совершенно бытовую вещь, — сказал Антон, немного неловко подняв шоколад. — Я с утра почти ничего не ел. Если вы не возражаете, доем по ходу разговора, иначе скоро начну думать медленнее, чем обычно.

Виктор перевёл взгляд на батончик, потом снова посмотрел на Антона. Выражение лица почти не изменилось.

— Ешьте, если вам настолько нужно, — разрешил он. — Только постарайтесь одновременно рассказывать.

— Спасибо.

Антон откусил небольшой кусок и открыл запись из ломбарда.

— Началось ещё до сигнализации. Илья ходил возле витрин, потом положил перед собой что-то похожее на кассовый чек и несколько секунд либо писал, либо делал очень похожие движения.

Большой палец Виктора перестал двигаться. Он слегка подался вперёд.

— Вы видели, чем именно он писал?

Антон покачал головой и повернул телефон экраном к собеседнику.

— Вот здесь. Предмет в руке есть, но через витрину отражалась улица, а после увеличения изображение превращается в квадраты. Я могу предположить, что это карандаш, потому что вы велели искать карандаш, но тогда это уже будет не наблюдение, а попытка угодить вашему заданию.

Виктор придвинул телефон, просмотрел короткий фрагмент, вернул запись на несколько секунд назад и снова остановил момент, когда рука Ильи двигалась над светлым прямоугольником.

— Сам лист потом остался у него? — спросил Виктор, не отрывая глаз от экрана.

— Не видел, — ответил Антон. — После начала сигнализации обзор стал хуже, а через заднюю дверь он вообще ушёл вне моего поля зрения.

Разговаривая, Антон машинально отломил зубами ещё кусок шоколада. Маленькая крошка упала на тёмную лакированную поверхность стола и осталась лежать возле его телефона.

Виктор замолчал.

Он ничего не сказал и даже головы не повернул, просто опустил взгляд на крошку.

Антон проследил за этим взглядом и тут же перестал жевать.

— Простите, — произнёс он, быстро завернул оставшуюся половину батончика и убрал её в карман.

Из другого кармана Антон достал бумажную салфетку, аккуратно снял крошку со стола и несколько секунд проверял лакированную поверхность, опасаясь, что шоколад успел оставить след. Убедившись, что всё чисто, он сложил салфетку грязной стороной внутрь и тоже убрал в карман.

— Ещё раз извините, Виктор Сергеевич.

Виктор лишь слегка кивнул, словно произошедшее вообще не заслуживало отдельного разговора, и перевёл внимание обратно на экран.

Антону больше не хотелось есть.

— Сколько времени прошло между этой возможной записью и сигнализацией? — спросил Виктор, вернув телефон владельцу.

— Несколько минут, — ответил Антон и отодвинулся от края стола, чтобы случайно больше ничего не уронить. — Если понадобится, завтра восстановлю по видео почти до секунды. Сначала внутри были проблемы со светом, потом сработала сигнализация, приехала полиция, а дальше уже началось то, из-за чего я к вам и приехал.

Виктор снова начал медленно растирать правый большой палец указательным.

— О краже всё равно расскажите, — попросил он. — Мне нужно понимать последовательность, даже если само золото нас не интересует.

Антон кратко объяснил, что после тревоги ждал Илью у главного входа, но тот там не появился. Только когда полицейский прошёл через помещение и оказался со стороны двора, стало ясно, что у ломбарда есть задняя дверь.

— За ним вы не поехали? — уточнил Виктор.

— Я бы на «Гелике» дальше первой арки и не прошёл, — ответил Антон, чуть развёл руками и добавил уже серьёзнее: — К тому же сам Илья двигался пешком по внутренним дворам. Я его не видел. Поэтому решил следовать за патрульными машинами: у них была рация, и хотя бы направление они получали.

Виктор спокойно кивнул.

— Это было разумнее. Куда они вас привели?

— К железнодорожному переезду, — произнёс Антон и, прежде чем продолжить, на несколько секунд задумался, словно снова проверял память. — Вот там я впервые решил, что сегодняшнее наблюдение отличается от всех предыдущих.

Виктор отодвинул папку немного в сторону.

— Расскажите медленно. И без объяснений того, почему это произошло. Сначала только то, что вы видели сами.

Антон ожидал подобной просьбы и был даже рад ей. Всю дорогу в центр он пытался сделать то же самое: отделить факты от того, что мозг уже начал над ними надстраивать.

— Когда я приехал, Илья находился перед первой пешеходной калиткой. Поезд был на подходе, проход заблокирован, полицейский почти его догнал. Возле будки стояла дежурная. Я решил, что дальше смотреть особенно не на что, потому что деваться ему было некуда.

— Однако он прошёл, — заметил Виктор, и по тому, как он произнёс эти слова, Антон понял: сообщение из машины тот прочитал внимательнее, чем показал.

— Прошёл, — подтвердил Антон. — Первая калитка открылась перед самым полицейским. Я сначала решил, что дежурная сама сняла блокировку, и вообще не придал этому особого значения, пока не увидел её реакцию.

Виктор слегка наклонил голову.

— Что именно она сделала?

— Повернулась к пульту и начала что-то объяснять полицейскому, — ответил Антон, вспоминая женщину возле будки. — Она показывала рукой на панель, потом несколько раз отрицательно покачала головой. Полицейский дёргал калитку и явно требовал от неё объяснений. Я не слышал слов, поэтому утверждать, что она сказала «я не открывала», не могу, но выглядело именно так.

— Руки дежурной непосредственно перед открытием вы видели?

Антон задумался, после чего отрицательно качнул головой.

— Не настолько хорошо, чтобы поклясться, что она не могла нажать кнопку. Если писать официальный отчёт, я сформулировал бы так: калитка открылась, а дежурная после этого выглядела удивлённой и что-то объясняла полицейскому возле панели.

На лице Виктора едва заметно появилось одобрение.

— Хорошо. Дальше что произошло?

— Илья побежал через пути, а примерно посередине его рюкзак за что-то зацепился, — продолжил Антон. — Он несколько раз пытался его выдернуть, потом уже начал снимать лямки, то есть фактически решил оставить сумку. В этот момент рюкзак освободился.

Виктор перестал растирать палец и положил обе руки на стол.

— Вы видели, почему?

— Нет. И здесь вообще может не быть ничего странного, — пояснил Антон. — Порвалась ткань, вылетело крепление, он просто сильнее дёрнул. Я находился слишком далеко. Если бы это произошло само по себе, я бы через час уже забыл.

— Но до этого была калитка, — произнёс Виктор.

— Именно, — согласился Антон. — А потом появилась вторая.

Он описал, как Илья добрался до противоположной стороны, обнаружил ещё одну запертую дверь и продолжал держаться за ручку, несмотря на приближающийся поезд. Дежурная кричала ему через громкоговоритель отойти от путей, полицейский стоял возле первой решётки с рацией, а затем, когда локомотив уже входил на переезд, вторая калитка тоже открылась.

Пока Антон рассказывал, Виктор не перебивал. Только большой палец правой руки снова оказался между указательным и средним, и теперь Антон впервые заметил, что это движение появляется не случайно.

— После второй двери я специально посмотрел на дежурную, — продолжил он. — Она стояла возле будки и выглядела так, будто сама только что увидела нечто, чего быть не должно. Полицейский тоже смотрел на неё, а не вслед Илье. Потом между ними прошёл локомотив, и обзор полностью закрылся.

В кабинете стало тихо. За панорамным окном город жил своей обычной вечерней жизнью: далеко внизу двигались автомобили, на крыше соседней башни мигал красный огонь, а отражение кабинета почти полностью перекрывало ночное стекло.

Виктор смотрел на Антона, затем медленно спросил:

— Вы лично наблюдали за четырьмя предыдущими кандидатами?

— Да, — подтвердил Антон. — И ни с одним не происходило ничего даже близко похожего. Поэтому я и написал вам, что, кажется, нашли нужного. Не из-за одной двери и не из-за рюкзака. Просто сегодня я слишком много раз подряд ловил себя на необходимости объяснять, почему Илье опять повезло именно в нужный момент.

Виктор откинулся на спинку кресла и на несколько секунд перевёл взгляд в окно.

— Неплохая формулировка, — произнёс он. — Гораздо лучше, чем если бы вы приехали рассказывать мне о чудесах.

Антон чуть улыбнулся.

— Пока я ехал сюда, слово «чудо» несколько раз приходило в голову, но я решил его не привозить.

— И правильно сделали.

Виктор потянулся к чашке, поднёс её ко рту, сделал маленький глоток и сразу поморщился. Видимо, только сейчас он вспомнил, сколько времени кофе простоял на столе.

Антон наблюдал за ним и наконец решил задать вопрос, который весь день откладывал.

— Виктор Сергеевич, можно я всё-таки спрошу, что именно мы искали? Вы несколько месяцев отправляли нас за людьми одной даты рождения, отдельно предупредили насчёт

бумаги и карандаша, а теперь я рассказываю вам про две заблокированные двери, и вы, по моему, удивлены гораздо меньше меня.

Виктор поставил чашку обратно и не спешил отвечать. Он посмотрел на документы, потом на телефон Антона и лишь затем снова встретился с ним взглядом.

— Я удивлён, — сказал Виктор после небольшой паузы. — Просто не тому, что подобное вообще возможно.

Антон слегка нахмурился.

— После такого ответа вопросов стало больше.

— Я понимаю.

— И?

Виктор едва заметно улыбнулся.

— И часть из них пока останется у вас.

Антон вздохнул, но спорить не стал. За те несколько месяцев, что Антон работал рядом с людьми Виктора, он уже успел понять, когда можно задать следующий вопрос, а когда дальнейшее давление только сократит количество ответов.

— Тогда хотя бы про карандаш, — попросил он. — Почему именно он?

Виктор снова провёл указательным пальцем по подушечке большого.

— Потому что записи, которые нас интересуют, делают графитом. Не ручкой, не на компьютере и не в телефоне.

Антон смотрел на него.

— Что за записи?

— Числовые последовательности.

Ответ прозвучал настолько буднично, что Антон сначала решил, будто за ним последует нормальное объяснение. Виктор, однако, замолчал.

— И что делают эти последовательности? — спросил Антон, уже понимая, что вопрос начинает звучать страннее с каждой секундой.

Виктор немного повернул ладонь и посмотрел на неё, словно сам заметил, что опять растирает большой палец.

— В самом упрощённом виде они меняют вероятность событий, — ответил он. — Мне не нравится такая формулировка, потому что она создаёт больше ложных представлений, чем правильных, но для начала её достаточно.

Антон молчал.

Перед глазами снова появилась железная дорога.

— Вы хотите сказать, что Илья написал цифры на чеке, а потом у него стали открываться двери?

Виктор сразу покачал головой.

— Я хочу сказать совсем другое. Вы не видели карандаша, не видели самой записи и не знаете, почему открылись калитки. Если завтра окажется, что дежурная сама сняла блокировку, а рюкзак зацепился за сгнивший болт, это не перестанет быть правдой только потому, что нам понравилась другая версия.

Антон провёл ладонью по подбородку.

— Но вы всё равно считаете Илью тем, кого искали.

— Я считаю, что сегодня он дал первое серьёзное основание поднять его выше остальных кандидатов, — уточнил Виктор. — Это гораздо осторожнее и гораздо полезнее.

Антон усмехнулся.

— А если завтра окажется, что в руке был именно карандаш?

— Тогда основание станет ещё серьёзнее.

Они молчали, и Антон поймал себя на том, что смотрит не на Виктора, а на его правую руку. Большой палец снова медленно двигался под указательным. Внешне Виктор оставался

почти совершенно спокойным, но чем дольше продолжался разговор, тем очевиднее становилось, что сегодняшний отчёт задел его сильнее, чем он показывает.

— Есть ещё человек, — напомнил Антон. — Тот, кто забрал Илью после переезда.

Жест прекратился мгновенно.

— Расскажите, — попросил Виктор, немного подавшись вперёд.

Антон объяснил, что поезд полностью перекрывал обзор и дальняя сторона показывалась только короткими промежутками между вагонами. Сначала он заметил тёмный автомобиль, потом открытую пассажирскую дверь, а спустя несколько секунд Илья оказался внутри.

— Водителя вы не рассмотрели? — спросил Виктор.

— Мне показалось, что за рулём женщина, — ответил Антон. — Но слово «показалось» здесь важнее слова «женщина». Лица я не видел.

— Машина остановилась уже после того, как он перешёл пути?

— Когда я впервые её заметил, она уже стояла, а пассажирская дверь открылась до того, как Илья подошёл, — объяснил Антон. — Поэтому случайным прохожим водитель выглядит плохо.

Виктор ненадолго опустил взгляд на стол.

— Марка автомобиля?

— Похожа на Skoda. Тёмная, возможно синяя, но под тем освещением могла выглядеть и серой. Номер не увидел.

— Где именно она находилась?

Антон взял блокнот, быстро нарисовал две линии путей, отметил будку дежурной и закрытый магазин на противоположной стороне, после чего поставил крестик немного в стороне от пешеходного выхода.

Виктор придвинул рисунок к себе.

— Носом к дороге?

— Насколько я помню, да, — сказал Антон. — После того как Илья сел, машина сразу ушла. Разворачиваться ей не пришлось.

Виктор рассматривал схему, а потом провёл ручкой вдоль дороги.

— Значит, водитель либо хорошо выбирает место, либо действительно знал, зачем приехал.

— Я склоняюсь ко второму варианту, — признался Антон. — Слишком удачно совпало.

Виктор поднял на него взгляд.

— Не спешите. Если человек наблюдал за Ильёй раньше, он мог просто предположить, куда тот побежит после ломбарда. Это не то же самое, что заранее знать маршрут.

— То есть вы допускаете, что за ним следили ещё до кражи?

— После того, что вы рассказали, я обязан допускать и это, — ответил Виктор. — Завтра посмотрите камеры возле переезда минимум за час до появления Ильи. Мне нужно понять, когда приехала машина и откуда.

Антон сделал пометку.

— Через официальные запросы?

Виктор сразу отрицательно качнул головой.

— Сначала всё, что можно получить без них. Если водитель связан с людьми, которые знают о последовательностях, я не хочу оставлять лишний след в системе.

Антон остановил ручку над блокнотом.

— Есть другие люди, которые знают?

Виктор посмотрел на него несколько секунд, после чего спокойно сложил руки на столе.

— Было бы слишком удобно, если бы знали только мы.

Ответ не содержал почти никакой конкретики, но Антону хватило и этого.

— Значит, неизвестная женщина вас беспокоит больше, чем полиция.

— Полиция расследует кражу из ломбарда, — пояснил Виктор. — Это понятная проблема с понятными правилами. Женщина приехала к человеку, которого мы искали несколько месяцев, в тот самый вечер, когда он впервые показал нечто интересное. Это уже другая категория проблемы.

Антон кивнул и закрыл блокнот.

— С самим Ильёй что делать?

Виктор размышлял, а потом ответил уже более деловым тоном:

— Наблюдение продолжим, но вас на несколько дней заменят. После погони он будет обращать внимание на любую машину, которая задержится рядом дольше обычного, а ваш «Мерседес» для скрытого наблюдения и без того не лучший выбор.

— Я об этом говорил ещё утром, — заметил Антон.

Виктор слегка приподнял уголок рта.

— Значит, завтра сможете напомнить человеку, который выдал вам ключи, что оказались правы. Постарайтесь только не получать от этого слишком много удовольствия.

Антон тоже улыбнулся.

— Ничего не обещаю.

На несколько секунд напряжение в комнате стало слабее, но затем Виктор снова посмотрел на телефон Антона и выражение его лица изменилось.

— Есть ещё одно правило, — сказал он. — Если кто-то из наших людей получит доступ к вещам Ильи, ничего не забирать. Особенно старые документы, медицинские бумаги, фотографии, записи и вообще всё, что могло сохраниться с детства. Сначала фотография, потом звонок мне.

Антон перестал улыбаться.

— Почему именно вещи из детства?

Виктор медленно провёл ладонью по закрытой папке перед собой.

— Потому что человек его возраста вряд ли самостоятельно придумал рабочую последовательность, если до сих пор даже не понимает, чем именно пользуется.

— Откуда вы знаете, что он не понимает?

— Если бы понимал, он вёл бы себя иначе, — ответил Виктор. — Не писал бы неизвестно что на кассовом чеке во время кражи из ломбарда и не проверял бы пределы воздействия, убегая от полиции. Опытный человек не использует подобные вещи таким способом без крайней необходимости.

Антон вспомнил Илью на путях.

— Значит, последовательность ему кто-то дал.

— Это одна из версий.

— И вы хотите найти оригинал.

Виктор посмотрел на него, и на этот раз Антон почувствовал, что подошёл достаточно близко к чему-то важному.

— Я хочу понять, откуда она у него появилась, — произнёс Виктор после небольшой паузы. — Это не обязательно одно и то же.

Антон хотел спросить дальше, но взгляд собеседника ясно дал понять, что на этом часть разговора закончена.

Он сделал ещё одну запись.

— Если представится возможность поговорить с самим Ильёй?

Реакция Виктора изменилась мгновенно. Он не повысил голос и не сделал резкого движения, однако ответ последовал без обычной паузы.

— Не разговаривать с ним.

Антон поднял голову.

— Даже если ситуация будет безопасной?

— Никто не подходит к Илье без моего разрешения, — повторил Виктор уже медленнее. — Не пугать, не задерживать, не пытаться заставить что-либо написать или показать. Мы слишком долго искали, чтобы теперь испортить всё желанием получить ответ за один вечер.

— А если рядом снова окажется женщина с переезда?

— Тем более, — сказал Виктор. Его большой палец снова оказался между указательным и средним, но теперь движение продолжалось всего несколько секунд. — Пока мы не знаем, кто она и сколько ей известно, никаких контактов.

Антон посмотрел на него внимательнее.

— Вы её опасаетесь?

Виктор слегка покачал головой.

— Я опасуюсь людей, которые начинают действовать раньше, чем понимают, с чем имеют дело. Это касается и нас.

Ответ прозвучал спокойно, однако Антон хорошо знал, сколько людей привыкли исполнять распоряжения Виктора без второго вопроса. Если человек с такими возможностями сознательно запрещал приближаться к неизвестной женщине, осторожность была вполне разумной.

— Камеры, машина, женщина и точное время событий в ломбарде, — перечислил Антон, проверяя записи. — Что-нибудь ещё?

Виктор думал.

— По остальным кандидатам поиск полностью не останавливайте. Снизьте приоритет, но не закрывайте дела. Один необычный вечер ещё не даёт нам права выбросить остальные версии.

— Даже после переезда?

— Особенно после переезда, — ответил Виктор. — Чем сильнее хочется поверить, что задача решена, тем тщательнее нужно проверить, не ошиблись ли мы.

Антон кивнул, убрал блокнот и телефон во внутренний карман куртки и поднялся. Шоколадный батончик неприятно упёрся в бок. Голод никуда не делся, но доставать его в кабинете ещё раз Антон не собирался ни при каких обстоятельствах.

Он дошёл до двери и уже взялся за ручку, когда последний вопрос всё-таки заставил его обернуться.

— Виктор Сергеевич, можно ещё один?

Виктор, снова открывший папку, поднял голову.

— Судя по сегодняшнему вечеру, запретить вам спрашивать всё равно не получится.

Антон немного улыбнулся.

— Почему двадцать седьмое апреля девяносто девятого?

Большой палец Виктора замер.

Изменение было настолько небольшим, что Антон мог бы его не заметить, если бы последние полчаса не начал следить за этой привычкой.

Виктор не отвёл взгляда и не попытался сразу придумать ответ. Он просто сидел, положив правую руку поверх документов.

— Потому что именно эта дата фигурировала в информации, с которой начался поиск, — сказал он наконец.

— В какой информации?

Виктор медленно растёр большой палец ещё раз, после чего убрал руку со стола.

— Неполной.

Антон подождал продолжения.

Его не последовало.

— Понятно, — произнёс он, хотя понятно не было почти ничего.

Виктор чуть улыбнулся, словно прекрасно это осознавал.

— На сегодня вам действительно достаточно. Найдите женщину, восстановите события в ломбарде и проверьте камеры возле переезда. Если всё подтвердится, я расскажу больше.

Антон кивнул и открыл дверь.

— И поешьте наконец нормально, — добавил Виктор ему вслед, уже снова глядя в документы. — Шоколад не считается ужином.

Антон обернулся через плечо.

— После истории со столом я боялся, что вы вообще запретите мне еду в радиусе этажа.

Виктор поднял на него взгляд.

— Только ту, которая крошится.

Антон тихо рассмеялся и вышел в коридор.

В лифте он всё-таки достал батончик, но прежде чем откусить, несколько секунд смотрел на него и невольно проверял, не падают ли крошки на металлический пол кабины.

Когда двери закрылись, он снова открыл фотографию Ильи.

Ещё несколько часов назад мужчина на экране был очередным именем из списка, одним из нескольких людей, которых неизвестная Антону причина связала общей датой рождения и похожими обстоятельствами первых лет жизни. Ожидалось несколько часов скучного наблюдения, сухой отчёт и новая фамилия через пару дней.

Вместо этого вечер оставил после себя светлый кассовый чек за стеклом ломбарда, потерянную дежурную возле пульта, полицейского у запертой калитки, рюкзак на мокрых путях и вторую дверь, открывшуюся именно тогда, когда локомотив уже входил на переезд.

Но по дороге вниз Антон всё чаще думал не о калитках.

За весь разговор Виктор ни разу не спросил, возможно ли подобное вообще. Его интересовали время, расстояние, положение дежурной, материал записи и то, сохранился ли у Ильи листок.

Человек наверху не пытался понять, существует ли то, что Антон увидел.

Он слишком давно это искал.

Глава 6. Чужой ключ

От «Меры» до дома Ильи было немногим больше десяти минут, однако после разговора с Марком дорога казалась длиннее. Пока Ника вела машину по вечернему городу, Илья несколько раз пытался восстановить в памяти роддомную бирку именно такой, какой видел её в последний раз, но перед глазами упрямо возникал рисунок, сделанный несколько минут назад на чистом листе: шесть точек, небольшой промежуток и ещё две.

Раньше никакого промежутка для него не существовало. Были восемь цифр — 27049912, последовательность, которую он помнил лучше большинства телефонных номеров и за восемь лет переписал столько раз, что рука давно научилась выводить её без участия головы. Теперь выяснилось, что привычная цельность могла быть исключительно его собственной выдумкой. Он однажды увидел на старой бумаге дату рождения и две цифры рядом, соединил их в памяти, а когда последовательность впервые сработала, перестал задавать вопросы.

Илья сидел, осторожно вытянув повреждённую ногу, и смотрел на отражения фонарей в боковом стекле. После переезда колено успело немного успокоиться, но стоило согнуть его сильнее, как под повязкой сразу появлялась тупая пульсирующая боль.

— Ты давно живёшь в этой квартире? — спросила Ника, когда навигатор сообщил, что до поворота осталось около километра.

— С восемнадцати лет, — ответил Илья, повернувшись к ней. — Получил после детдома. Тогда казалось, что поживу пару лет, заработаю и перееду куда-нибудь получше. Потом выяснилось, что между «заработаю» и «перееду» обычно помещается лет десять обычной жизни.

Ника коротко улыбнулась, продолжая следить за дорогой.

— Значит, вещи из детдома всё это время находились там?

— Почти всё время. Я один раз доставал документы, когда решил узнать побольше о родителях, но далеко расследование не продвинулось.

Илья произнёс это спокойно, потому что за годы успел научиться рассказывать собственную биографию без тех пауз, которые неизменно появлялись у собеседников. Ника, к его облегчению, тоже не изменила ни выражения лица, ни голоса.

— Что удалось найти? — спросила она.

— Ничего, чего я не знал раньше. Мать умерла при родах, в графе об отце пусто. Медицинские бумаги, несколько справок, документы из детдома. Всё довольно коротко.

— А бирка откуда появилась у тебя?

Илья помолчал, вспоминая старую воспитательницу, маленький кабинет на первом этаже и картонную коробку, которую она поставила перед ним за несколько дней до выпуска.

— Воспитательница отдала. Сказала, что всё это хранилось вместе с моими документами ещё с тех времён, когда меня привезли из роддома. Там была сама бирка, пара медицинских бумажек и ещё какой-то конверт. Она посоветовала ничего не выбрасывать, а я тогда подумал, что взрослые вообще любят хранить вещи только потому, что им много лет.

— Она обращала внимание именно на бирку? — уточнила Ника.

— Не помню. Скорее на всю коробку. Я тогда вообще слушал её вполуха: через несколько дней должен был наконец выйти из детдома, получить ключи от квартиры и очень торопился начать взрослую жизнь. Как выяснилось потом, взрослая жизнь никуда особенно не торопилась.

Ника снова улыбнулась, однако вопрос о воспитательнице явно запомнила. Илья заметил это по тому, как она слегка сжала губы, словно мысленно отложила ещё одну деталь для разговора с Марком.

Через несколько минут показался его район. Илья узнал круглосуточный магазин на углу, шиномонтаж с двумя машинами возле ворот и знакомую аптечную вывеску, где одна буква

не горела уже несколько месяцев. Дальше начинались старые пятиэтажки, между которыми в темноте почти невозможно было различить нормальную дорогу и очередной въезд во двор.

— Здесь направо не поворачивай, — попросил Илья, когда Ника включила поворотник. — Лучше проедем дальше и заедем с другой стороны. Тогда мимо моих окон пройдем по кругу.

Она сразу выключила сигнал поворота.

— Марк просил сначала посмотреть двор и подъезд. Так и сделаем.

— Надеюсь, ты не собираешься стоять под окнами с газетой и дырками для глаз.

— Именно поэтому мы просто проедем мимо, — ответила Ника и посмотрела на него.

— Если увидишь что-то не так, скажи сразу. Мне твой двор незнаком, а ты заметишь даже мелочь, которая для меня ничего не значит.

Дом Ильи находился в глубине квартала. Четыре старые пятиэтажки окружали небольшой двор с детской площадкой, которую постепенно вытеснили автомобили. Машины стояли вдоль бордюров, занимали бывшие газоны и едва оставляли свободный проезд возле подъездов. На лавочке сидели двое подростков, возле мусорных баков мужчина пытался заставить маленькую собаку закончить вечернюю прогулку, а женщина с несколькими пакетами долго искала что-то в багажнике.

Ника снизила скорость до обычной дворовой и не стала смотреть на дом слишком явно.

— Где твои окна? — спросила она.

— Сейчас будут справа. Первый этаж, два подряд. На кухне старая деревянная рама, на подоконнике пустой горшок. Когда-то там была герань, но наши отношения не сложились.

Ника нашла окна без труда. Свет внутри не горел, занавеска в комнате висела неровно, как и утром, а кухонная створка была закрыта.

— Ты шторы так оставлял? — спросила Ника, не замедляя машину.

— Да. И окно тоже закрывал.

Он посмотрел внимательнее. Ничего подозрительного видно не было. Даже старый пластиковый горшок стоял в привычном месте, чуть наклонившись к стеклу.

Ника проехала до конца дома, свернула за угол и припарковала «Шкоду» почти в сотне метров от подъезда. Заглушив двигатель, она ещё несколько секунд наблюдала за зеркалами.

— По дороге сюда за нами никто не держался, — сказала Ника. — Во дворе тоже ничего необычного я не увидела. А ты?

— Если не считать того, что сосед наконец убрал свою машину с газона, всё выглядит нормально.

— Тогда пойдём пешком. Только, пожалуйста, не воспринимай это как доказательство, что Марк зря нас предупреждал.

Илья осторожно выбрался из машины и захлопнул дверь.

— После сегодняшнего вечера я вообще перестал считать людей параноиками. Теперь сначала жду доказательств.

Они пошли вдоль дома. Илья невольно присматривался к припаркованным машинам, хотя понятия не имел, что именно должен искать. Большинство автомобилей он видел здесь сотни раз. Возле третьего подъезда стоял незнакомый белый седан, но такие машины появлялись во дворе ежедневно, а на водительском месте никого не было.

Ника тоже не изображала профессионального наблюдателя. Она шла рядом, иногда смотрела на окна и встречающих людей, но не задерживала взгляд дольше необходимого. Только возле подъезда немного замедлилась и кивнула на входную дверь.

— Она должна быть открыта?

Илья потянул металлическую створку, и та без сопротивления поддалась.

— Домофон ломается примерно раз в месяц. Если однажды увидишь его исправным два месяца подряд, тогда и начинай подозревать неладное.

В подъезде автоматически загорелась лампа. На первом этаже всё выглядело привычно: возле батареи стоял детский велосипед, у соседской двери лежали две пары обуви, на стене висело объявление о поверке водяных счётчиков. Пахло табачным дымом, влажным бетоном и жареным луком из одной из квартир.

Илья подошёл к своей двери и некоторое время рассматривал замки. Металл вокруг скважин оставался потёртым, но свежих царапин он не заметил.

— Закрывал оба? — спросила Ника, встав чуть в стороне, чтобы видеть лестничную площадку.

— Всегда закрываю оба, даже если выхожу за хлебом.

Он достал связку ключей и сначала провернул верхний замок. Механизм открылся с привычным усилием. Нижний тоже повёл себя совершенно нормально.

Илья открыл дверь на несколько сантиметров и прислушался. Из квартиры не доносилось ничего, кроме едва различимого гула холодильника.

— Похоже, гостей нет, — сказал он, включая свет в прихожей.

Ника вошла следом, но снимать куртку не стала.

Квартира выглядела ровно так, как Илья её оставил: возле двери стоял пакет с пустыми банками, на тумбочке лежала рекламная листовка, которую утром он собирался выбросить, в комнате на столе осталась кружка из-под кофе. Если кто-то здесь побывал, то либо ничего не трогал, либо обладал терпением человека, способного запомнить положение каждого предмета.

Ника быстро посмотрела кухню и ванную, после чего заглянула в комнату. Вернувшись, она слегка расслабила плечи.

— Никого. Окна тоже закрыты изнутри. По крайней мере очевидных следов я не вижу.

— Значит, можно перестать вести себя так, будто у меня под кроватью лежит киллер.

— Под кровать я не смотрела, — заметила Ника.

Илья посмотрел на неё с совершенно серьёзным выражением лица.

— Тогда зря приехали. Там самая дорогая часть квартиры.

На этот раз она тихо рассмеялась.

Напряжение, сопровождавшее их от «Меры», немного ослабло. Илья снял куртку, однако не повесил её в прихожей, а бросил на спинку стула. Даже собственная квартира после сегодняшних событий воспринималась иначе: знакомые вещи никуда не исчезли, стены оставались теми же, телевизор всё ещё стоял немного криво, и от старого окна привычно тянуло холодом.

Ника подошла к раме и провела пальцем возле щели.

— Теперь я понимаю, зачем тебе понадобилось золото.

— Наконец-то человек, который не осуждает выбранный метод ремонта окон.

— Метод я всё ещё осуждаю, — ответила Ника, повернувшись к нему. — Но сквозняк действительно убедительный.

Илья указал на высокий шкаф у противоположной стены.

— Коробка с документами наверху, за пледом. Сейчас достану.

Он придвинул стул, но Ника тут же придержала его за спинку.

— Ты уверен, что после переезда тебе обязательно лезть туда самому?

— Ника, если я в собственной квартире не могу достать коробку со шкафа, день окончательно перестанет принадлежать мне.

Она посмотрела на перевязанное колено, затем подняла глаза.

— Хорошо. Тогда хотя бы не изображай человека, у которого ничего не болит. Я буду держать стул.

Илья осторожно поднялся, стараясь основную нагрузку перенести на здоровую ногу, нащупал за старым пледом картонный край и вытянул коробку. Вместе с ней сверху посыпалась пыль, заставив его отвернуться и закашляться.

— Всё под контролем, — пробормотал он, спускаясь.

— Я как раз собиралась сказать обратное, — отозвалась Ника, помогая поставить коробку на стол.

Коробка когда-то была обувной. Крышку несколько раз укрепляли прозрачным скотчем, а сбоку выцветшим синим маркером было написано: «И. С. Документы».

Илья сразу узнал почерк воспитательницы.

Он провёл пальцем по буквам и неожиданно задержался. В восемнадцать лет эта коробка казалась ему ненужным довеском к ключам от квартиры и новенькому паспорту. Теперь в ней находилась, возможно, единственная вещь, способная рассказать о его появлении на свет больше, чем все официальные справки вместе взятые.

Ника заметила его заминку и не стала ничего говорить.

Илья снял крышку. Внутри лежали несколько пластиковых файлов с документами, старая медицинская карточка, фотографии из детского дома, сложенный пополам конверт и маленький прозрачный пакет.

— Вот она, — произнёс Илья, доставая пакет.

Ника придвинулась ближе, но не протянула руку.

Бирка выглядела почти жалко. Узкая пожелтевшая полоска плотной бумаги, маленькое отверстие возле края, через которое всё ещё была продета выцветшая верёвочка, несколько почти исчезнувших печатных строк и записи, сделанные карандашом много лет назад.

Илья осторожно вынул её из пакета.

Дата была видна сразу:

27.04.99

Чуть правее действительно оставалось свободное пространство. Не огромное и не настолько заметное, чтобы человек обязательно обратил на него внимание, но после разговора с Марком оно буквально бросалось в глаза.

За промежутком стояли две цифры:

1 2

Илья долго молчал, поворачивая бумагу под лампой.

— Марк был прав, — сказал он наконец. — Они действительно отличаются.

Ника наклонилась так, чтобы рассмотреть запись сбоку.

Первые шесть знаков были тонкими и довольно ровными. Последние два выглядели темнее, единица заметно глубже продавила бумагу, а двойка получилась чуть крупнее остальных цифр.

— Отличаются, — согласилась Ника, однако сразу добавила: — Но пока только визуально. Я бы не стала говорить, что их точно писал другой человек. Для этого и нужен Марк.

Илья посмотрел на неё.

— Полтора часа назад ты бы уже уверенно объяснила мне всю историю.

— Полтора часа назад я ещё не провела сорок минут с человеком, который на каждый второй мой вывод отвечает: «Откуда ты это знаешь?»

— Полезный человек.

— Невыносимо полезный, — уточнила Ника.

Илья снова повернул бирку. Под косым светом вмятины от последних цифр действительно были видны лучше. Он провёл пальцем рядом с ними, стараясь не касаться самого графита.

— Я ведь столько лет смотрел на неё и ни разу не задумался, что дата и эти две цифры вообще могут быть разными записями.

— Потому что ты уже знал последовательность, — сказала Ника, наблюдая за ним. — Мозг очень любит находить знакомое. Ты видел не бирку, а восемь цифр, которые привык на ней видеть.

Илья хотел ответить, но из прихожей донёсся тихий металлический звук.

Он сразу замолчал.

Сначала звук показался настолько обычным, что Илья подумал о связке ключей, оставленной на тумбочке. Однако через несколько секунд металл едва слышно царапнул снова, и теперь сомнений осталось меньше.

Ника тоже подняла голову. По её лицу Илья понял, что услышала она то же самое.

— Что это было? — спросила она почти шёпотом.

Илья не ответил сразу. Он слишком хорошо знал собственную дверь и оба замка, чтобы спутать звук с чем-то ещё. Кто-то снаружи работал с нижней скважиной, действуя медленно и явно стараясь не привлекать внимания.

Илья осторожно положил бирку обратно на пакет.

— Кто-то открывает дверь, — так же тихо сказал он.

Ника перестала двигаться. Они слушали, и в наступившей тишине особенно громким показалось тиканье дешёвых часов над телевизором.

Из прихожей снова донёсся короткий щелчок.

После него механизм нижнего замка медленно повернулся.

Ника посмотрела на Илью и одними губами спросила:

— У кого есть ключи?

Он наклонился ближе, чтобы не повышать голос.

— Ни у кого. Второй комплект я потерял года три назад и после этого поменял оба замка.

Верхний механизм был сложнее и открывался ключом дольше даже у самого Ильи. Человек за дверью несколько секунд не предпринимал ничего, а затем металл снова тихо заскреб.

Ника перевела взгляд на окно. Илья сразу понял причину: первый этаж, старая деревянная рама и чуть больше метра до земли с наружной стороны сейчас выглядели значительно привлекательнее лестничной площадки.

Он быстро убрал пакет с биркой во внутренний карман куртки и застегнул молнию.

— Окно открыть можно, — прошептал Илья, подходя ближе к Нике. — Только оно скрипит.

— Я заметила, когда смотрела раму, — ответила она, уже двигаясь к подоконнику. — Поэтому пока не трогай. Если человек ещё снаружи, шум сразу скажет ему, куда мы собираемся.

Они остановились возле окна и ждали. Илья чувствовал, как сердце постепенно ускоряется, хотя внешне ничего ещё не происходило. Совсем недавно он бежал от полиции и перебирался через железнодорожные пути перед поездом, но собственная квартира неожиданно пугала сильнее: там он хотя бы видел людей, которые хотели его поймать. Сейчас между ним и неизвестным человеком оставалась всего одна дверь, и Илья понятия не имел, зачем тот пришёл.

В верхнем замке что-то коротко щёлкнуло.

Ника сразу посмотрела на Илью.

— Открывай, — тихо сказала она.

Они взялись за раму вместе. Краска за годы склеила нижний край створки, поэтому сначала окно не поддалось. Илья потянул сильнее, стараясь одновременно не шуметь и не сорвать старую ручку.

Из прихожей послышался поворот верхнего замка.

Пришлось забыть об осторожности.

Илья резко дёрнул раму. Высохшая краска треснула, створка со скрипом распахнулась внутрь, и почти одновременно входная дверь начала открываться.

Ника первой забралась на подоконник. Перед окном тянулась узкая полоса земли между домом и металлическим забором детского сада. Внизу лежали влажные листья, несколько окурков и пустая пластиковая бутылка.

— Я спущусь и помогу тебе с ногой, — быстро сказала Ника, перебираясь наружу.

Она спрыгнула на землю, развернулась и подняла обе руки.

Илья уже поставил здоровую ногу на подоконник, когда из прихожей донеслись шаги.

Не торопливые и не тяжёлые. Человек, вошедший в квартиру, двигался спокойно, словно прекрасно знал, что за ним никто не гонится.

Илья перенёс вес вперёд.

В дверном проёме комнаты появился мужчина.

На вид ему было около сорока пяти. Средний рост, короткие тёмные волосы, неприметная чёрная куртка, обычные джинсы и тонкие перчатки на руках. Если бы Илья встретил его днём возле магазина, то через пять минут вряд ли сумел бы описать лицо.

Незнакомец остановился, заметив открытое окно.

Его взгляд задержался на Илье, затем скользнул наружу, где стояла Ника. Никакого узнавания на её лице не появилось.

— Илья, не спешите, — спокойно произнёс мужчина.

Собственное имя заставило Илью сильнее сжать оконную раму.

— А мы знакомы? — спросил он, продолжая держать одну ногу на подоконнике.

Незнакомец не ответил на вопрос. Вместо этого он немного поднял руки, словно хотел показать, что не собирается нападать.

— Слезьте с окна, и мы спокойно поговорим. Мне не нужны ваши деньги и я не собираюсь причинять вам вред.

Ника снизу внимательно смотрела не на лицо мужчины, а на его руки и куртку.

— Илья, выходи, — сказала она, протягивая к нему ладонь. В её голосе не было паники, но прежняя мягкость исчезла полностью. — Разговаривать будем потом и не здесь.

Незнакомец перевёл взгляд на неё.

— Девушка, я бы на вашем месте тоже не усложнял ситуацию.

— Хорошо, что вы не на моём месте, — ответила Ника, не отводя от него глаз. — Илья, давай быстрее.

Мужчина сделал шаг в комнату.

Куртка на мгновение разошлась, и Илья увидел у него под рукой чёрную рукоять пистолета.

Этого оказалось достаточно.

Он оттолкнулся от пола и начал перебрасывать вторую ногу через подоконник. Незнакомец тоже ускорился и успел схватить Илью сзади за куртку прежде, чем тот полностью оказался снаружи.

Ткань резко натянулась возле шеи. Илья ударился бедром о раму, повреждённое колено прострелило болью, и на короткое мгновение перед глазами поплыли тёмные пятна.

— Отпустите его! — крикнула Ника, уже не пытаясь говорить тихо.

Она ухватила Илью за предплечье и потянула наружу, однако мужчина держал крепко. Куртка затрещала возле плечевого шва.

— Я сказал, что не хочу вам вредить, — произнёс незнакомец уже жёстче. — Перестаньте дёргаться.

— Тогда для начала убери руку, — выдохнул Илья.

Он резко развернул корпус и вслепую ударил локтем назад. Удар пришёлся мужчине по предплечью. Хватка ослабла всего на мгновение, но этого хватило, чтобы Илья дёрнулся вперёд всем телом.

Старая рама не выдержала их общего веса. Дерево возле нижней петли сухо треснуло, створка перекосилась и ударила незнакомца по руке.

Илья вывалился наружу.

Ника успела подхватить его за плечо, не дав удариться головой о землю, но приземлиться всё равно пришлось на обе ноги. Колено отозвалось такой болью, что Илья на секунду согнулся и едва не упал.

— Идти можешь? — спросила Ника, удерживая его под локоть.

— Выбора, как я понимаю, всё равно нет, — ответил он сквозь зубы.

— Тогда двигаемся к углу дома. Не останавливайся.

Они пошли так быстро, как позволяло колено. Ника держалась рядом, подстраиваясь под его шаг, а Илья старался не думать о том, что за спиной остаётся распахнутое окно собственной квартиры.

Через несколько метров он всё-таки обернулся.

Незнакомец уже перебирался через подоконник. Правой рукой мужчина придерживал перекошенную раму, а левой отводил полу куртки. Теперь оружие было видно отчётливо.

— У него пистолет, — сказал Илья, сразу снова поворачиваясь вперёд.

Ника даже не стала смотреть назад.

— Во дворе люди. Если он понимает, что делает, стрелять не будет.

— А если не понимает?

— Тогда у нас проблема серьёзнее, чем я рассчитывала.

Несмотря на боль, Илья коротко усмехнулся.

— С тобой удивительно спокойно попадать в неприятности.

За углом они вышли во двор, где по-прежнему оставались люди. Мужчина в спортивных штанах курил возле подъезда, женщина только закончила разгружать багажник, а двое подростков шли к соседнему дому, разглядывая что-то в телефоне.

Ника сразу замедлилась и взяла Илью под руку. Теперь со стороны они выглядели скорее парой, которая торопливо идёт к машине, чем людьми, убегающими от вооружённого человека.

— Не оглядывайся каждую секунду, — тихо попросила она. — Если он выйдет следом, нам важно понять, один он или нет.

— А как мы это поймём, если я не буду смотреть?

— Я посмотрю.

Ника ненадолго повернула голову, будто проверяла дорогу перед переходом.

— Пока его не вижу.

Они прошли между припаркованными машинами, свернули в соседний двор и только после этого снова ускорили шаг. До «Шкоды» оставалось меньше минуты.

Ника достала ключ заранее и разблокировала двери.

— Садись сразу, — сказала она. — Я выеду через другой проезд.

Илья открыл пассажирскую дверь и практически упал на сиденье. Ника уже через несколько секунд оказалась за рулём, завела двигатель и тронулась прежде, чем он успел нормально закрыть дверь.

Первый поворот они прошли молча. На втором Ника посмотрела в зеркало заднего вида, затем свернула на соседнюю улицу, хотя кратчайшая дорога к «Мере» вела в противоположную сторону.

— Ты куда? — спросил Илья, придерживая больное колено.

— Проверяю, не выехал ли кто-нибудь за нами, — объяснила Ника. — Если нас ведут, к Марку мы их не привезём.

Илья посмотрел назад. Вслед за ними повернули две машины: старый белый седан и жёлтое такси. Через квартал такси остановилось возле магазина, а седан проехал прямо, когда Ника снова свернула.

Только после этого она немного сбросила скорость.

— Похоже, чисто, — сказала Ника, хотя продолжала следить за зеркалами. — Давай телефон. Нужно позвонить Марку.

— У меня свой есть.

— Тогда звони со своего. У меня руки заняты.

Илья достал телефон и набрал номер, который Марк дал им перед выходом из «Меры». Ответ последовал почти сразу.

— Да, — произнёс Марк.

— Это Илья. У нас проблема.

Ника быстро посмотрела на него, и Илья понял, что формулировка ей показалась слишком скромной.

Марк, судя по голосу, тоже.

— Что произошло? — спросил он.

— В мою квартиру вошёл незнакомый человек, — ответил Илья. — Открыл оба замка без ключей. Меня знал по имени. При нём был пистолет.

На том конце несколько секунд было тихо.

— Вы сейчас где? — спросил Марк, и голос его стал заметно собраннее.

Ника назвала улицу и ближайший перекрёсток.

— Мы уехали, — добавила она достаточно громко, чтобы Марк услышал. — Пока признаков слежки нет. Я сделала несколько лишних поворотов.

— Хорошо, — ответил Марк. — Не возвращайтесь к квартире и не пытайтесь проверить, ушёл ли он. К Лёхе тоже не ездите. Если уверены, что за вами никто не держится, возвращайтесь ко мне.

Илья посмотрел в зеркало. Дорога позади была почти пустой.

— Вы хотите знать, как он выглядел?

— Хочу, но не по телефону, если это можно отложить на двадцать минут, — сказал Марк.

— Важнее сейчас другое. Бирку нашли?

Илья сунул руку во внутренний карман и нащупал прозрачный пакет.

— Она у меня.

На этот раз пауза была совсем короткой, но Илья всё равно её заметил.

— Он видел её? — спросил Марк.

— Думаю, нет. Я убрал её в карман до того, как дверь открылась. Но коробку на столе он мог заметить.

— Пакет больше не открывайте, — попросил Марк. — Не фотографируйте бирку и никому не отправляйте изображение. Просто привезите всё как есть.

— Мы уже успели рассмотреть запись, — сказал Илья. — Между датой и единицей действительно есть промежуток. И последние две цифры выглядят иначе: темнее и сильнее продавлены.

— Хорошо, — ответил Марк. — Остальное обсудим здесь. Сейчас просто доедьте.

Илья хотел задать ещё один вопрос, но Марк уже отключился.

Он смотрел на погасший экран.

— Он всегда так прощается? — спросил Илья.

— Нет, — ответила Ника, продолжая следить за дорогой. — Обычно хотя бы говорит, что разговор закончен.

— Значит, разволновался?

Она помолчала.

— Похоже на то.

Илья убрал телефон и только теперь почувствовал, насколько сильно саднит плечо. Он провёл ладонью по куртке и обнаружил разошедшийся шов.

— Прекрасно. Ещё и куртку порвал.

Ника резко посмотрела на него.

— Ты только что вылез через окно от вооружённого человека, который вскрыл твою квартиру, а тебя волнует куртка?

— Она мне нравилась, — совершенно серьёзно ответил Илья. — И денег на новую сейчас тоже не особенно много. Всё моё финансовое планирование лежит у Лёхи в спортивной сумке и, судя по всему, временно не подлежит использованию.

Ника пыталась сохранить серьёзное лицо, но всё-таки улыбнулась.

— купишь потом.

— Очень надеюсь, что люди, которые вскрывают чужие квартиры, предусмотрели компенсационный фонд.

Улыбка исчезла с её лица почти сразу. Она снова посмотрела в зеркало, перестроилась в соседний ряд и только после этого заговорила:

— Меня больше беспокоит другое. Он пришёл слишком быстро.

Илья повернулся к ней.

— В каком смысле?

— В прямом. Ещё несколько часов назад ты был для меня человеком, за которым я наблюдала одна. Марк знал о тебе, Андрей знал, но ты не находился в каком-нибудь общем списке с домашним адресом для всех подряд. После ломбарда прошло совсем немного времени, а кто-то уже оказался у твоей двери с инструментами и оружием.

— Адрес можно было найти заранее.

— Можно, — согласилась Ника. — Но тогда получается, что за тобой следили не только мы.

Илья вспомнил слова Марка об архивных запросах и посмотрел в боковое окно.

— Судя по всему, это уже не самая невероятная версия за сегодняшний день.

Ника не стала спорить.

Они ехали молча. Когда машина вышла на широкий проспект, Илья достал из кармана прозрачный пакет, не открывая его, и снова посмотрел на пожелтевшую полоску бумаги.

На ней оставались дата рождения, небольшой промежуток и единица с двойкой, нанесённые более тёмным графитом.

Восемь лет он считал эту вещь собственной маленькой тайной. Даже не тайной в настоящем смысле: Илья никому не рассказывал о ней только потому, что объяснять работающие цифры было слишком сложно, а выглядеть сумасшедшим ему не хотелось. Бирка лежала в старой коробке на шкафу, собирала пыль и казалась совершенно ненужной до тех пор, пока ему не требовалось вспомнить последовательность, которую он и без того давно знал наизусть.

Сегодня за этой бумажкой, возможно, пришёл вооружённый человек.

Илья осторожно убрал пакет обратно во внутренний карман и застегнул молнию. Он уже собирался опустить руку, но пальцы задержались на ткани.

— Ника, — позвал он.

— Что? — отозвалась она, мельком посмотрев на него.

Илья молчал, подбирая слова.

— Если этот человек пришёл именно за биркой, значит, он знал не только обо мне и цифрах. Он знал, что существует оригинал.

Ника не ответила сразу.

Машина продолжала двигаться по проспекту, и только через несколько секунд она медленно кивнула.

— Да, — сказала Ника. — И вот это мне не нравится больше всего.

Илья снова почувствовал бумагу через ткань куртки.

До этого вечера ему казалось, что самая большая загадка находится на самой бирке — восемь цифр, которые непонятным образом меняли происходящее вокруг него.

Теперь загадкой становился человек, который знал, где эту бирку искать.

Глава 7. Две записи

К тому времени, когда «Шкода» снова свернула в старый квартал, Илья успел проверить внутренний карман раз десять, хотя прекрасно чувствовал сквозь ткань прямоугольный край прозрачного пакета. После третьего или четвёртого раза он уже понимал, что делает это не ради бирки. Ему требовалось каждый раз убеждаться в гораздо более простой вещи: незнакомец не успел выхватить пакет, тот не выпал во дворе, не остался возле разбитого окна и вообще всё ещё находился у него.

Ника не поехала к «Мере» напрямую. После разговора с Марком она несколько раз меняла маршрут, сворачивала во дворы, возвращалась на соседние улицы и почти постоянно следила за зеркалами. По пути к квартире Илье её осторожность казалась профессиональной привычкой, немного чрезмерной и потому даже забавной. Теперь он сам присматривался к каждому автомобилю, который задерживался за ними дольше пары перекрёстков.

Когда знакомая вывеска архивного центра впервые мелькнула в конце улицы и снова исчезла за домами, Илья повернулся к Нике.

— Если мы ещё пару раз проедем мимо, Марк решит, что ты передумала возвращаться.

Ника дождалась, пока державшаяся сзади машина свернёт к круглосуточному магазину, и только после этого ответила:

— Пусть лучше пять минут думает, что я передумала, чем потом выяснится, что я привезла к нему человека, который только что открыл твою квартиру быстрее, чем ты сам открываешь её ключами.

Илья невольно провёл пальцами по порванному возле плеча шву куртки. Ткань там разошлась сантиметров на десять, и через щель виднелась подкладка.

— Не быстрее, — возразил он. — С верхним замком он всё-таки немного повозился. Мне хочется сохранить хотя бы это преимущество.

Ника коротко посмотрела на него. Улыбки не появилось, но выражение её лица немного смягчилось.

— Я рада, что ты уже начал сравнивать время. Минут десять назад тебя интересовало только, осталось ли плечо внутри куртки.

— Плечо осталось. Куртка, похоже, пережила сегодняшний день хуже меня.

Илья снова коснулся кармана. Ника заметила движение, однако ничего не сказала и на следующем перекрёстке наконец повернула к «Мере».

На улице возле архивного центра почти никого не осталось. Соседняя мастерская уже закрылась, за опущенной решёткой магазина зоотоваров горела одна дежурная лампа, а возле пекарни женщина в тёмном фартуке протирала изнутри стеклянную дверь. Всё выглядело настолько буднично, что Илье на несколько мгновений захотелось поверить: человек с пистолетом, сломанная оконная рама и собственное имя, произнесённое незнакомцем, остались где-то в другом городе.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.